

Элена Томсетт

Эхо чуждой любви

Элена Томсетт
Эхо чужой любви

«Автор»

2025

Томсетт Э.

Эхо чужой любви / Э. Томсетт — «Автор», 2025

Влюбиться самой — только часть проблемы. Гораздо сложнее, когда мужчины влюбляются в тебя. Да и понимание любви у них несколько отличается от твоего. Потому, что они богаты, или потому, что они иностранцы? И что в таком случае делать бедной девочке из «совка», в начале 90-х годов очутившейся за границей, да еще в необычной ситуации выбора между любовью мужчин, являющихся членами одной семьи?! За романтическим флером истории любви старого барона Ротенбурга к своей русской жене и собственной влюбленностью в его племянника, Элене предстоит сделать много ошибок, прежде чем понять цену настоящего чувства.

© Томсетт Э., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1. Девочка из провинции	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	49
Глава 10	55
Часть 2. Баронесса фон Ротенбург	60
Глава 1	60
Глава 2	68
Глава 3	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Элена Томсетт

Эхо чужой любви

Часть 1. Девочка из провинции

Глава 1

Я помню Зигмунта Литинского со времени моего первого визита в Баку. Мне было тогда полтора года, ему – почти семь. Пока его мама и моя бабушка, остановившись на улице, обменивались долгими бакинскими приветствиями, он успел прокатить меня по двору на велосипеде. С этого времени он стал моим лучшим другом. Когда мне исполнилось 15 лет, я твердо решила, что он будет моим будущим мужем.

Зигмунт Литинский и его сестра Кристина были нашими соседями по дому в Баку. Вообще-то они, так же как и я, не были аборигенами этого чудесного города. Я приезжала сюда, в основном, на лето из волжского города Саратова, а Зигмунт и Кристина Литинские вместе с матерью – из Риги. У меня в сером обליнявшем четырехэтажном особняке на Монтина жила бабушка, занесенная сюда голодом 30-х годов с Украины, а у них – какая-то дальняя родственница, которая приходилась родственницей и нам. Пани Изольда, мать Зигмунта, относилась ко мне с каким-то смешанным чувством сожаления. Я одна из всех русских девочек была вхожа в их дом. Мне все в нем безумно нравилось: педантичная аккуратность хозяев, чистота сверкающих полов и окон, крахмальные скатерти и даже то, что пани Изольда, немка по происхождению, через день говорила со своими детьми, и со мной, соответственно, по-немецки, для того, чтобы они знали и помнили язык своих предков. Кристина Литинская была на два года старше меня. Эта девочка с бледным восковым личиком, водянисто-голубыми глазами и светло-русыми волосами, подстриженными по плечи, всегда чем-то напоминала мне куклу из магазина игрушек на станции «28 апреля». Она была такая чистенькая, такая воспитанная и манерная уже лет с шести, когда я и познакомилась с нею. В ней не было ничего особенного ни в детстве, ни в юности, но она мнила себя королевой. Потом, несколько позже, когда я из «гадкого утенка», толстой, но шустрой и веселой девчонки, превратилась в красивую стройную девушку, она уступила мне свое превосходство практически без боя. Уступила, потому что на меня обратил внимание ее безответная любовь – несравненный и обожаемый красавчик Эгис Ротенбург.

Ее родной брат, Зигмунт Литинский (их мама была немкой, а отец – поляком из хорошего рода), составлял полную противоположность своей анемичной сестре. Они были похожи, но похожи так, как небо и земля, лед и пламень, я даже затрудняюсь определить эту комбинацию поразительного сходства и различия их внешности и характеров. Зигмунт был красивым высоким стройным светловолосым мальчиком. Он был красивым всегда: и в пять, и в двадцать пять лет, в отличии от меня, которая в пять лет была куколкой с картинки, в пятнадцать – толстой уродливой девчонкой, а в семнадцать – снова куколкой, в которой, однако, в отличие от младенческого возраста, предпочитали видеть уже не «куклочка», а потенциальную стерву.

Сколько я себя помню, мне всегда нравился Зигмунт, который был на пять лет старше меня. В детстве я из штанов вылезала от усердия, стараясь насобирать для него побольше маслин для сражения с соседним двором, была его тенью, его оруженосцем, слушалась его, как бога и не было на свете ничего, чтобы я отказалась сделать, если бы он меня попросил. Он был моим богом, моим кумиром, я скучала по нему долгими зимами в Саратове и с нетерпением

ждала лета не только потому, что я поеду к морю, а главным образом оттого, что я встречу в Баку его, мою первую детскую любовь, высокого мальчика со светлыми волосами и обаятельной улыбкой. Не было человека, который бы его не любил. Его невозможно было не любить. Он был такой милый, такой приятный в обращении, такой искренний и такой красивый, что обо все эти качества вдрызг разбивалась всякая зависть и неприязнь. Я обожала его со всем пылом пятнадцатилетней девчонки, которая, по ее мнению, никогда в жизни не сможет отплатить ему за то, что он, такой красивый, умный и взрослый, не отказывается от общества такой некрасивой толстушки, как я.

Но время шло, и все изменилось.

Я осознала это, прилетев в Баку в очередной раз после окончания школы, когда мне было семнадцать лет. За зиму я сильно похудела, так сильно, что мне пришлось заново составлять свой гардероб. Я появилась во дворе бабулиного дома рано утром, сойдя с аэропортовского автобуса, в белых брюках и красной короткой майке без рукавов, с длинными, до пояса, светлыми волосами, распущенными по плечам и по спине, и произвела неизгладимое впечатление на пани Изольду, вышедшую из подъезда с сумкой в руках с явным намерением идти за хлебом.

Улыбаясь, я поздоровалась. Она не сводила с меня глаз, пытаясь, видимо, определить, кто же эта девочка, а потом, не скрывая своего любопытства, все-таки поинтересовалась, кто я такая. Когда я сказала, она ахнула, прослезилась и, отвечая на мой вопрос о том, приехал ли Зигмунт, взяла с меня обещание, что я зайду к ним сразу же после того, как покажусь бабуле и отдохну с дороги. Бабуле мой вид понравился много меньше. Она ворчала, что я слишком похудела, стала похожа на палку, и все в этом духе. Зато днем, зайдя, как и обещала в гости к Литинским, я была сторицей вознаграждена за все мои страдания в прошлом. Кристина, которая всегда относилась ко мне несколько свысока со снисходительным пренебрежением, как к младшей и недостаточно привлекательной подружке, выглядела такой изумленной моей метаморфозой, что мне хотелось смеяться. А Зигмунт, мой несравненный Зигмунт, который в этом году закончил институт и был распределен врачом в Юрмалу, тоже удивленный, улыбаясь одними глазами, галантно поднес мою руку к губам. Я ужасно смутилась, потому что, помимо обычной лукавинки, в них было что-то еще, я не могла пока понять, что именно, я была еще слишком наивна и неопытна. Пани Изольда наблюдала за нами с чувством тайного удовлетворения, явно отразившегося на ее обычно таком непроницаемом лице.

Дней десять после этого вся наша повзрослевшая дворовая компания отиралась в городе, а потом один из мальчиков, Глеб, точнее, его тетя, предложила нам свой домик в курортном поселке на Северном Грэсе. Перед тем, как продолжить рассказ, я должна пояснить, что отношения между мальчиками и девочками в нашей компании в Баку сильно различались от тех, которые существовали в центральной России. Будучи в походах, мы спали в палатках вповалку, все вместе, мальчики и девочки, мы могли месяцами жить без взрослых, но никогда, ни у кого, не возникало даже мысли воспользоваться этим и переспать друг с другом. Никогда. Точнее, возможно, мысли такие и возникали, но никто и никогда не мог себе этого позволить. Это было табу, подразумеваемое правилами игры в порядочных людей. Возможно, мы были еще слишком молоды и неиспорченны, не знаю. Возможно, во всей компании девочкой из России была одна лишь я, а я воспитывалась под сильным влиянием Баку и моих местных друзей.

На Северный Грэс нас решило отправиться человек десять. Кристина, я, Фатима, девочка-азербайджанка, смуглая, высокая, красивая цыганской восточной красотой, с темными, как вишня, глазами и густыми блестящими волнистыми волосами, и Аза, еврейка из хорошей интеллигентной еврейской семьи, мягкая, добрая, некрасивая, но очень приятная девочка. Из ребят были Зигмунт, мой сосед Глеб, двое братьев-армян, Артур и Грант, оба смуглые, высокие, с белозубыми улыбками. У Гранта были необыкновенные глаза – золотисто-янтарные, прозрачные, лучистые. Наконец, еще один мой хороший приятель с детских лет, потомок знатного грузинского рода – Шалва Ахалцихели, стройный, гибкий как лоза, с чекан-

ными, тонкими чертами горбоносым лицом, горящими как угли глазами под четкими, словно нарисованными черными бровями вразлет, и светлыми, как у истинного грузина (как он говорил) рыжеватыми волосами. Я забыла еще Велту, подружку Кристины, которую она невесть зачем притащила с собой из Риги, и из-за которой, собственно, все и началось.

Когда мы договаривались о поездке на Северный Грэс, выяснилось, что Кристина Литинская ожидала приезда еще двоих ребят, Эгиса и Ивара Ротенбургов, которых она непременно решила утащить с нами, потому что они оба нравились ей на свой манер. Ребята их знали, и никаких возражений с их стороны не было. Зигмунт и Шалва поехали на Грэс первыми, чтобы немного приготовить маленький домик тети Глеба к нашему нашествию, я просилась с ними, но меня не взяли. Тогда от нечего делать я увязалась в аэропорт с Кристиной, встречать Ротенбургов. Велта чувствовала себя слишком плохо при сорокоградусной жаре для того, чтобы совершить эту утомительную прогулку. Мы с Кристиной поехали вдвоем.

Надо сказать, что я знала двоюродных братьев Кристины – Эгиса и Ивара Ротенбургов не только понаслышке. Я была довольно хорошо знакома с ними обоими. Как и многие в нашем бакинском дворе, они были бабушкиными «внуками на лето», рижанами, как и семья Литинских. Ивар, младший, был мне даже в некоторой степени симпатичен. Ему нравилась Кристина, об этом знали все – весь двор и все родители. Пани Изольда даже иногда в шутку называла его «зятем». Их будущий брак с Кристиной был делом почти решенным. Эгис Ротенбург оставался в моей памяти чем-то противным. Он был очень красивым. Я это помнила. И обладал всем набором качеств, который обычно сопровождает такого рода парня, избалованного вниманием окружающих и особенно девочек. Он был самовлюблен, надменен, презрительно смотрел на нас, «мелюзгу», толкавшуюся под ногами, и одного этого было для меня достаточно, чтобы его не любить. Поскольку я росла хулиганкой, а он впоследствии превратился в красивого темноволосого мальчика с ослепительной улыбкой, признанного ловеласа, который менял девочек, как перчатки, то в свои десять-двенадцать лет я с друзьями получала неизмеримое удовольствие, брызгая его и его девочек из водяных пистолетов, в то время, как они имели несчастье проходить по нашему бакинскому двору. Меня лично он никогда не задирал, потому что не хотел ссориться с Зигмунтом, с которым у него были прекрасные отношения. Зигмунт, пожалуй, был единственным человеком, которого он уважал.

Я вспомнила все это, стоя на освещенной солнцем дорожке перед зданием бакинского аэропорта, со смешанным чувством досады на себя за то, что я увязалась с Крис встречать этого типа вместо Велты. Как я впоследствии узнала, Крис притащила Велту в Баку специально для того, чтобы познакомить со своим будущим красавчиком-деверем. Сейчас они шли нам навстречу, два этих самых Ротенбурга, оба высокие, длинноногие, Ивар с улыбкой, а Эгис с серьезным выражением на красивом, обветренном прогулками по морю лице, обрамленным шапкой хорошо подстриженных волнистых темно-русых волос.

Крис не стала представлять нас друг другу. С чего бы это? Все и так давным-давно знакомы. Они с Иваром чуть коснулись губами щек друг друга и занялись разговорами, а красавчик Эгис Ротенбург уставился на меня со странным выражением и внезапно поздоровался на латышском языке. Вообще-то, я не полиглот по натуре. По-немецки я говорю потому, что меня научили у Литинских, но за все время общения с этой семьей я ни слова не могла сказать на латышском, хотя это был второй язык в доме. Но, как часто бывает, хотя я не говорю на этом языке сама, я понимаю, когда на нем говорят другие, не все, конечно, но в общих чертах. Так же, кстати, как и на азербайджанском. Поэтому я хоть и удивилась его латышскому приветствию, но ничем не выразила своего удивления. Склонила голову, принимая его и все. Мало ли что придет в голову человеку? А он продолжал в том же духе, ни на секунду не закрывая рта все время, пока мы шли к остановке автобуса на Монтина. Он шел рядом со мной, обращался ко мне, я уже давно перестала понимать, о чем он говорит, но молчала, слушала его и думала, кто из нас сошел с ума, я или он. Впрочем, когда он пару раз назвал меня Велтой, я стала догады-

ваться, в чем дело, но эта игра настолько увлекла меня, я представила его вытянутую физиономию после того, как он узнает, кто я на самом деле, что я решила еще немного развлечься.

Наконец, мы уселись в рейсовый аэропортовский автобус, идущий в город, он тронулся с места, Кристина с Иваром, которые расположились на сиденьях в салоне автобуса впереди нас, обернулись к нам, и мы стали болтать уже вчетвером, естественно, по-русски. Пани Изольда строго приучила детей не говорить на языке, которого не понимает хотя бы один человек из компании. Болтали просто так, не помню уже о чем, о всяких пустяках, о том, теплая ли вода в море, где мы будем жить на Грэсе, в палатках или в домике, и все в том же духе. Через какое-то время несравненный и неподражаемый кумир Кристины Эгис Ротенбург, вероятно, желая сделать мне комплимент, сказал с удивлением:

– Вы прекрасно говорите по-русски, Велта. Даже никакого намека на акцент!

Ивар и Кристина так и покатались со смеху.

Эгис чуть нахмурил свои четкие брови и вопросительно смотрел на них.

– Еще бы! – наконец справившись с приступом распиравшего ее смеха, почти простонала Кристина. – Это ее родной язык!

– Родной?! Велта!

Он требовательно посмотрел на меня, вероятно, желая прекратить глупые шутки. Все-таки этот парень очень хорош собой. Я никогда еще не видела такого красивого мужчины. Но я осталась совершенно спокойна, я прекрасно знала, что за личность скрывается под этой обворожительной внешностью, мое детство нельзя было обмануть или очаровать.

– Позвольте представиться. Меня зовут Елена, – весело сказала я, улыбаясь прямо в его красивое лицо. – Или, если вспомнишь, Аленка, Лешка, как называл меня твой двоюродный брат Зигмунт.

– Зигмунт? – в его глазах читалось бесконечное удивление. – Так значит, ты та самая девочка, которая вечно таскалась за ним по пятам, тот самый... – он внезапно осекся.

– Тот самый «бегемотик», как ты меня ласково называл, – закончила я его фразу за него с улыбкой.

Он сидел с ошарашенным видом, по очереди оглядывая нас с Кристиной и Иваром, словно надеялся, что все это розыгрыш и сейчас все снова встанет на свои места – я окажусь Велтой, и не будет больше и тени того неуклюжего медвежонка по имени Лешка, который столько лет жил в его памяти. Но чуда не произошло. И он медленно начал это понимать. Покусывая свою пунцовую, чуть припухшую нижнюю губу от досады, он снова повернулся ко мне, его взор все время тянуло ко мне, как магнитом.

– Почему же ты мне сразу об этом не сказала?

– О чем? – наивно удивилась я. – Ты ни о чем меня не спрашивал.

– Почему ты не остановила меня? Я говорил, а ты молчала!

Он старался говорить как можно холоднее, старался рассердиться на меня, но не мог. Я чувствовала это каким-то шестым чувством, это было ощущение, которого невозможно передать. Я знала, что это так, и все.

– Извини, я не понимала, что ты говорил, – все с той же милой улыбкой сказала я. – И не хотела тебя перебивать, меня с детства учили, что это невежливо.

Крис и Ивар откровенно потешались, а его, казалось, не волновали их насмешки, он говорил только со мной. Слегка прищуриль темные глаза, он с недоверчивым удивлением спросил:

– Ты и в самом деле совсем ничего не поняла из того, что я говорил?

– Ни слова, – рассмеялась я. – Кроме приветствия.

Он внезапно тоже улыбнулся:

– Хочешь, я повторю тебе все, что говорил, по-русски?

– У тебя такая хорошая память? – поддела его я.

– Не настолько, – он остался невозмутим к прозвучавшей в моем голосе насмешке. – Но когда я смотрю на тебя, мне хочется повторять это снова и снова, это невозможно забыть: ты – очень красивая девочка, в тебе есть давно угасшая во многих искра самого ценного в женщине – твоя женственность. Это очень много, поверь мне, Елена.

В его голосе появилась какая-то мягкость и вкрадчивость, которая почему-то напомнила мне kota у бабулиных соседей, необычайно красивое и грациозное животное, в движениях которого всегда чувствовалась хищная обманчивая мягкость. Эгис был похож на него, такой же красивый и такой же хищный. Он обладал тем же свойственным всем мужчинам в своем роду особым врожденным обаянием, только обаяние Зигмунта было светлое, лучистое, у Ивара – мягкое, словно фосфорицирующее, а у Эгиса оно напоминало слепящий блеск новогоднего фейерверка, наверное, потому, что он был очень хорош собой.

Подобная тирада, исходящая из его уст, заставили меня удивиться.

– Неужели я так изменилась за последний год? – я вовсе не притворялась, он напрасно пожирал меня своим пронзительным взглядом.

– Просто поразительно! – наконец медленно сказал он, отворачиваясь от меня, чтобы взглянуть на мелькавший за окном пейзаж и заодно скрыть свое явное замешательство.

Я в это время исподтишка рассматривала его сквозь полупущенные ресницы. В этом году ему должно было быть лет двадцать пять, не меньше. Он был уже взрослый, на мой взгляд, сформировавшийся мужчина, красивый, самоуверенный, словом, такой, каким любят описывать в романах героев-любовников. Честно говоря, мне льстило, что он обратил на меня внимание. И я откровенно провоцировала его, причем, это получалось у меня непроизвольно, я не думала о том, что делала. Увлечшись своими мыслями, я прозевала тот момент, когда он оторвался от созерцания пейзажей за окном и вновь взглянул на меня. Я очнулась только тогда, когда он положил свою ладонь на мою руку, чтобы привлечь внимание.

– Елена!

Я вздрогнула, отдернула руку и испуганно уставилась на него.

– Извини, я задумалась, – сконфуженно пробормотала я в ответ на его улыбку.

– Послушай меня, девочка, – он наклонился ко мне ближе, я совсем рядом с собой увидела его блестящие внимательные темные глаза, тонкий ровный нос и пленительную улыбку на пунцовых, безупречно очерченных губах. Его волосы почти коснулись моих волос, я чувствовала запах его одеколona, а его слова были удивительно просты и безыскусны: – Ты поразила меня с первой минуты, как я тебя увидел. Ты выйдешь за меня замуж, малышка?

– Нет! – сказала я так поспешно, что он не знал, обидеться ему или снова улыбнуться.

Он выбрал последнее.

– Я говорю очень серьезно, Елена. Подумай об этом. Если ты согласишься, я поговорю с твоими родителями, и ты сможешь уехать со мной в Ригу уже через месяц.

«Что там думать, кретин!», хотелось заорать мне ему в ответ, но я продолжала развлекаться. Хлопая своими длинными мохнатыми ресницами, я скромно сказала, что не могу сейчас ответить ему вот так сразу, не подумав. Он и не настаивал. Тем более, что, к счастью, автобус вкатил в маленький азербайджанский поселок на берегу моря, который русские окрестили как Северный Грэс. Возле станции уже стояла толпа наших общих друзей. Крис и Ивар выскочили первыми, я немного замешкалась и, спустившись со ступенек автобуса, тут же оказалась в дружеских объятьях Шалвы Ахалцихели, или Князя, как мы его коротко звали из уважения к его знатным предкам. Мы дружили с ним, что называется с горшка, и я его очень любила.

– Генацвале! – радостно кричал он, тормоша меня как куклу. – Как, эта красивая, очаровательная дэвушка и есть мой маленький кругленький друг из Саратова? Ай-ай-ай, как время людей меняет! Какая дэвушка! Эти золотые волосы, длинные ножки, ах, какие ножки! Зачем ты одела брюки, дорогая? Для твоей изумительной фигурки больше подходит бикини. Ты настоящая красавица, генацвале, я надеюсь, ты не забыла меня и все то, чему я тебя учил?

Я со смехом повисла у него на шее, расцеловала его в обе щеки, так как еще не видела его по приезду в Баку этим летом, затем, выскользнув из его рук, подошла к Зигмунду.

– Как дела, малыш? – весело, по привычке, спросил он.

– Я скучала без тебя.

– Я тоже.

Радостно цапнув его за руку, я потащила его к морю, крикнув остальным:

– Крис, Ивар, Шалва, пошли купаться! Я еще ни разу в этом году не купалась в море!

Пока все расчихивались, мы с Зигмунтом быстро стянули легкие летние брюки, майки и, побросав их на песок, как дети, схватившись за руки побежали в воду. Нас быстро догнал Шалва, тоже уже в одних плавках, подхватил меня за вторую руку, я взвизгнула и повисла на их руках, и они со смехом потащили меня дальше в воду, осыпаемые тучей брызг от моего барахтанья. Вскоре вода уже буквально кипела от резвившихся в ней великовозрастных лбов.

Чуть попозже я вылезла на берег, чтобы хоть немного обсушиться перед походом к домику Глебовой тети и суметь натянуть брюки, а не плюхать по жаре в одном мокром купальнике и сгореть до костей в первый же день. Я выжала свои длинные светлые волосы и, овеваемые легким морским бризом, они обещали высохнуть мгновенно.

Вслед за мной на берег вылез Эгис Ротенбург, умудрившийся почти не замочить свою шикарную темно-русую шевелюру. Пока он отряхивался от воды, как мокрый пес, и вытирался, я снова, посмотрев на него, машинально отметила, как он хорошо сложен: высокий, длинноногий, с широкими плечами и узким поясом, на его теле не было ни капли лишнего жира или слишком уж выпирающих узлов мускулов, уродующих культуристов. Пожалуй, кожа его была слишком бледной и нежной для юга, но жара и море быстро придадут его телу шоколадный оттенок и выцветят его шевелюру. Сама я к концу лета обычно превращалась в негатив – загорала почти до черноты, а волосы от морской воды и солнца выцветали добела.

– Ты так быстро вылезла из воды, Лорелея, – насмешливо сказал Эгис, бросая полотенце прямо на песок и обращаясь ко мне. – На тебя не похоже.

– А ты-то что вылез? – не осталась в долгу я. – Девочки еще плещутся. Помнится, ты всегда сидел в воде до тех пор, пока можно было потискать хоть последнюю из оставшихся!

– К чему такой цинизм, дорогая! – в тон мне отвечал он тут же. – С прошлым покончено навсегда. Я нашел ту женщину, которая отныне заменит мне всех остальных. Кроме нее, мне никто больше не нужен.

– Какая патетика! – закричал подбежавший Шалва, набрасываясь на полотенце и растирая себя так, что брызги летели во все стороны от его смуглого, продубленного морем и солнцем тела. – Он что, признается тебе в любви, генацвале?

Я кивнула.

– Скажи ему, что он опоздал! – стукнул себя кулаком в грудь Шалва. – Ты – моя, моя несравненная птичка, мое маленькое дитя, моя драгоценная жемчужина, царевна из царевен, красавица из красавиц!

– Остановись! – я шлепнула его по спине мокрым полотенцем.

– Ах, какая невежливая дэвушка! – тут же запричитал он. – И подумать только, я сам учил ее истории, и что получил взамен, а? Никаких тебе больше сказок, генацвале!

– Пощади! – я рухнула на колени на песок, благо мой купальник уже высох. – Лучше убей, жестокий, только не лишай меня их!

– Встань, женщина! – с холодным достоинством сказал он, протягивая мне руку, чтобы помочь подняться. – Я прощаю тебя! Но всегда помни о моем великодушии!

Я зацепилась за его руку и изо всех сил дернула его на себя. Он кубарем свалился рядом со мной на песок, весь перепачкался, я тут же с визгом отпрыгнула от него подальше, он скорчил страшное лицо, словно собираясь догнать и проучить меня, но потом передумал и с ворчанием побежал вновь в воду, чтобы отмыться.

–Как я посмотрю, вы тут веселитесь вовсю, – заметил Эгис, вновь очутившись рядом со мной.

–Он очень милый, правда? – помахав рукой улыбавшемуся мне из воды Шалве, сказала я вместо ответа.

–Ты еще совсем девчонка.

В его голосе прозвучала какая-то затаенная нежность.

Я хотела ответить ему как-нибудь понаглее, но слишком долго соображала, что именно – он отошел в сторону, а Зигунд и Шалва уже выгоняли всех из воды, чтобы успеть засветло добраться до пляжного домика на Северном Грэсе.

Всю дорогу я прошагала между Шалвой и Зигмунтом. И тот, и другой были очень внимательны ко мне. А я спиной ощущала на себе внимательный изучающий взгляд Эгиса Ротенбурга.

За последующие десять дней на Северном Грэсе он не давал мне проходу. Везде, где бы я ни появлялась, он оказывался рядом со мной – красивый, гибкий, загорелый, с неизменной улыбкой на губах.

В первый же день, случайно очутившись возле домика, где жили ребята, в неурочный час, когда все остальные купались на пляже, я внезапно услышала голоса Зигмунта и Эгиса и, не в силах сдержать любопытства, тихонько подошла ближе, чтобы подслушать, о чем шла речь. Они говорили обо мне. Я отчетливо слышала спокойный, с легким жестковатым прибалтийским акцентом голос Эгиса, который говорил:

–Ты знаешь меня, кузен. За эти десять лет, которые я вышел из младенческого возраста наивных мечтаний о Прекрасной Даме, я не пропускал ни одной юбки. И у меня никогда не возникало желания остановиться, выбрать одну из всех, в конце концов, жениться. Никогда до сегодняшнего дня. Мне нужен твой совет. Ты лучше меня знаешь твоего верного «оруженосца» Лешку, Аленку, Елену, у меня просто язык не поворачивается назвать ее теперь мальчишеским именем. Я хочу жениться на ней. Что ты на это скажешь?

После долгого молчания Зигмунт задумчиво сказал:

– Она еще ребенок, Эгис.

–Ты не прав, кузен, – в хрипловатом голосе Эгиса послышалась легкая насмешка. – Она уже взрослая девушка, правда, она еще сама толком не понимает, какая грозная сила таится за ее внешней женственностью и привлекательностью. Когда она немного подрастет, она будет сводить мужчин с ума.

–Ты преувеличиваешь, – голосе Зигмунта послышался оттенок недовольства.

–Нисколько. Ты еще сам не понял, что произошло, – все с той же мягкой насмешкой сказал Эгис. – Берегись, Зигмунт, не вздумай влюбиться в свою Галатею! Рано или поздно она станет моей женой. Я не отступлюсь. О такой женщине я мечтал всю жизнь: с ней невозможно соскучиться, она все время разная, все время меняется, меняется на глазах, переливается, словно северное сияние.

– Ты поэт! – сухо заметил Зигмунт. – Но я тебя предупредил. Она слишком мала, да и слишком наивна для тебя.

– Роковые женщины у меня уже в печенках сидят. Они все на один манер.

Все-таки он гад, этот красавчик, успела подумать я, услышав его ответ.

– И теперь тебе захотелось свежатинки?

Обычно такой спокойный Зигмунт был явно раздражен.

– Я не понимаю, ты что, ревнуешь, что ли? – удивление прозвучало в холодноватом, по обыкновению, голосе Эгиса.

– Я не хочу, чтобы ты испортил девочке жизнь.

– Я хочу на ней жениться, понимаешь? И намереваюсь жить с ней всю жизнь, в печали и радости, в болезни и здравии...

– Замолчи, ради бога! – перебил его Зигмунт. – Как ты можешь такое говорить? Ты же сам переменчив, как хамелеон! Сегодня ты влюблен, завтра холоден, как можно так играть человеческими чувствами, не понимаю.

– Это серьезно, – снова повторил Эгис.

– У тебя каждая интрижка начинается, как любовь века. Делай, что хочешь, но Лешку не трогай, – тон Зигмунта стал непривычно резким.

– Ты оставляешь ее для себя?

– Хотя бы и так.

Мое сердце сладко замерло, а потом застучало с удвоенной силой, так, что я слышала биение пульса почему-то где-то в глубине моего горла.

– Я отвечаю за нее, – продолжал тем временем Зигмунт. – Она мне как младшая сестренка.

– Сестренка? – Эгис рассмеялся. – Бедный малыш! Я зря затеял с тобой этот разговор. Ты сам уже влюбился в нее по уши, как и ваш славный грузин, Шалва, кажется? Малышка здорово влипла. Впрочем, это ваши внутренние трудности. Меня они не касаются, разбирайтесь сами. Но, Зигмунт, я предупреждаю тебя, не вздумай использовать свое влияние на Елену, чтобы испортить ее отношения со мной. Я не уступлю.

– Какие отношения? – я слышала, как Зигмунт вздохнул. – Что ты несешь, Эгис? Какие у вас могут быть отношения? Ты второй день, как ее увидел.

– Я уже сделал ей предложение.

– Ты-ы?! Предложение? – выдохнул Зигмунт почти шепотом, но постепенно голос его напрягался, как струна. – Ты с ума сошел! И что она ответила?

– «Нет!», если ты так хочешь знать, – сказал Эгис со смехом. – Но я и ожидал нечто подобное. Такая девочка стоит терпения! Я подожду.

– А если я предложу ей выйти замуж за меня? – медленно сказал Зигмунт с расстановкой на каждом слого, – и она согласится, тогда что?

– Ты не сделаешь этого, – спокойно возразил Эгис.

– Хотел бы я знать, почему?

– Ты еще не готов жениться, даже если и влюблен.

Послышались чьи-то шаги по направлению к домику, и я поспешно юркнула в кусты, а потом изо всех сил, обжигая ступни ног о горячий песок, побежала по пляжу к воде, на звук раздававшихся оттуда веселых воплей и криков. Я только успела стащить сарафан и кувыркнуться на песок, как тут же увидела приближающуюся к берегу высокую фигуру Эгиса. Я натянула панамку, прикрывавшую мне лицо от солнца, ниже на глаза и сделала вид, что мирно загораю здесь уже долгое время, ожидая, что же он будет делать. Наши резвились неподалеку в воде, как стая морских котиков.

Этот донжуан не заставил меня долго ждать. Не успела я и глазом моргнуть, как он уже плюхнулся на песок рядом со мной и, приподняв кепку, заглянул мне в лицо.

– Барышня, вы не изжаритесь заживо? – вкрадчиво спросил он.

Совсем рядом с собой я увидела его красивое лицо, густую шевелюру волос, темные подрагивающие ресницы, из-под которых мягко светились приглушенным блеском прищуренные темные глаза, чувственные губы, оказавшиеся почти возле моего рта. Он словно играл со мной в игру, смысл которой я пока не понимала. Ощущение от близости его теплого от солнца гладкого загорелого тела рядом с моим телом, запах его пахнувшей морской солью кожи пробудили во мне какое-то странное тревожащее впечатление, не неприятное, но какое-то пугающее.

Внезапно мне захотелось, чтобы он меня поцеловал. Это желание, видимо, произвольно отразилось в моих глазах, потому что он еще ниже наклонился надо мной, так, что

наши тела почти соприкоснулись и сказал, глядя прямо мне в глаза, так, что его губы, когда он говорил, почти касались моих:

– Вы подумали над моим предложением, барышня?

Его длинные гибкие пальцы неожиданно коснулись моего бедра, я вздрогнула и взглянула ему в глаза, тогда он наклонился и поцеловал меня, в то время как его рука заскользила вдоль моей талии по бедру до колена.

Я вскочила, как ошпаренная. В двух шагах от нас стоял Зигмунт и сурово смотрел прямо в мои растерянные, мечущиеся в разные стороны глаза. Чтобы не видеть в них немого укора, я отвернулась от него и побежала к морю, буквально упав в крепкие объятия Шалвы, который вытолкнул меня на поверхность воды, как поплавков, и сунул в руки мяч, которым они играли в водное поло.

Отдых был испорчен полностью. Все последующее время на Северном Грэсе я старательно бегала от Эгиса, а Зигмунт с таким же усердием избегал меня. Если бы не Шалва с его неизменным оптимизмом и жизнерадостностью, я бы уже давно сбежала домой.

Глава 2

Когда мы вернулись в город, я испытала несказанное облегчение. Целыми днями я загорала, валяясь на балконе у бабули и читая книги, выходя на улицу только для того, чтобы сходить за хлебом или за молоком. Я ждала, что Зигмунт сам придет ко мне, мы поговорим, как в прежние времена, и все наладится, мы забудем про эту отвратительную сцену и выкинем его красавчика-кузена из нашей жизни раз и навсегда. Но он все не шел и не шел. Я подождала еще неделю, а потом отправилась в гости к Литинским сама.

– Говорят, что старший Ротенбург сделал тебе предложение? – сразу же с порога, как говорится, в лоб, спросила меня пани Изольда, никогда не любившая уверток.

– Ну, сделал. Да я-то тут причем! – с неожиданной для самой себя горячностью живо отреагировала я. – Он сам ко мне прицепился! Он еще не убрался отсюда, кстати? А то я уже устала ждать!

– Нет.

Пани Изольда вздохнула, и ее напряжение как будто бы спало.

– А где все? – невинно поинтересовалась я, так как в квартире стояла непривычная тишина. – Кристина, Зигмунт...

– Они на пляже.

– На Шихово? – сразу же живо спросила я.

– Нет. По-моему, где-то дальше. В Бельгя, – рассеянно отвечала она.

– В Бельгя! – почти закричала я. – Это же мой любимый пляж! Почему они не взяли меня с собой?

– Откуда я знаю. Вас, молодежь, иногда не разберешь! Я то, честно говоря, думала, что ты развлекаешься где-то со своим красавчиком-женихом.

– Никакой он мне не жених! – шмыгнув носом из-за набегавших на глаза слез обиды, сдавленно сказала я. – Этот ваш красавчик Ротенбург сказал Зигмунту, что хочет на мне жениться, и Зигмунту это не понравилось. Непонятно почему! Ведь сам он за все эти десять дней даже десяти слов мне не сказал. Как будто бы я в чем-то виновата!

– Ну ладно, не реви, – пани Изольда повысила голос. – Чего ты разошлась? Милые братья – только тешатся. Пошли лучше со мной по магазинам. Бабка то, небось, в скверике сидит с подружками, да? Делать тебе все равно нечего.

Я вздохнула и послушно поплелась вслед за ней. Когда мы вернулись домой, вся компания уже расположилась на балконе Литинских и, весело пересмеиваясь, ела огромный красный арбуз. Зигмунт, не поднимая глаз, сказал мне: «Привет, малыш!» и снова углубился в это жутко содержательное занятие. Однако я не собиралась так легко сдаваться. Сделав вид, что ничего не произошло, я уселась есть арбуз вместе с ними, а немного погодя подловила Зигмунта, когда он мыл руки в ванной комнате.

– Ты сердисься на меня? – прямо спросила я, глядя на его отражение в зеркале над раковиной.

Я стояла чуть сбоку за его спиной.

– Ничуть.

Он закрыл кран, обернувшись, вытянул из-за моей спины полотенце и стал вытирать руки.

– Зигмунт, – набравшись смелости, я подошла к нему вплотную, положила ладони на его плечи и заглянула ему в лицо. – Ты больше не любишь меня, да?

Ему пришлось посмотреть на меня. На какую-то секунду его светлые глаза еще хранили прежнее отчужденное выражение, а затем в них снова засиял мягкий искристый свет, а его губы чуть дрогнули в такой знакомой пленительной улыбке, которая всегда сводила меня с ума.

– Как можно не любить тебя, малыш.

– Ты не отдашь меня ему, правда? – я пылливо разглядывала его лицо. – Я ведь не вещь. Я очень люблю тебя, и мне было очень больно, когда ты не хотел разговаривать со мной. Я не виновата в том, что произошло на берегу. Я не виновата в том, что этот кретин вздумал на мне жениться. Не отдавай меня ему, пожалуйста!

– О чем ты говоришь, глупыш! – он порывисто прижал мою голову к своей груди.

Я строптиво высвободилась и вновь заглянула ему в глаза.

– Ты меня не отдашь? – снова повторила свой вопрос я.

– Если ты только сама этого не захочешь.

– Я не хочу! Ты больше не будешь бегать от меня? Почему все не может быть, как прежде? Я так скучала по тебе весь год, так ждала нашей встречи, а ты, ты словно не рад, что приехал!

– Ты просто маленькая дурашка, – он взял меня за руку и притянул к себе. – Разве ты не заметила, какой красивой ты стала? Я просто боюсь тебя теперь.

– Ты? – удивилась я. – Ты же всегда говорил мне, что я буду красивой, когда вырасту.

– Ну, – он улыбнулся. – Это была своего рода психологическая помощь.

– Ты не верил в то, что врал для меня? – возмутилась я. – А я так старалась, так хотела стать красивой для тебя!

– Тебе это удалось.

– Я теперь тебе нравлюсь? Раньше я была такой толстой уродиной, что мне самой было смотреть на себя противно!

– Вот болтушка.

Он нежно сдул с моего лба упавшую на глаза прядь волос.

– Зигмунт, – тихо сказала я, касаясь его руки своими вздрагивающими пальцами. – Ты можешь сделать мне одолжение?

– Какое одолжение?

Между нами внезапно прошли волны неуволимого напряжения, словно от нависавших проводов электровольтки возле моего дома в Саратове.

– Поцелуй меня, пожалуйста, – я не отрываясь, смотрела прямо ему в лицо. – Пожалуйста. Я словно никак не могу отмыться от его губ, – я осеклась, не желая продолжать, надеясь, что он поймет, что я имела в виду.

Он понял, я видела, как изменилось его лицо.

– Если тебе не очень противно, – набравшись мужества, начала я, но не закончила.

Его губы на секунду мягко коснулись моего рта, я почувствовала холодок его зубов, но все тотчас окончилось. Он отстранился от меня и вышел в коридор. Я стояла, как оглушенная, и глупо тарасилась на свое отражение в зеркале.

Последние две недели до конца лета мы не отходили друг от друга, вместе ездили на пляж, купались, загорали, вместе ели мороженое и бродили по набережной. Между нами установилась какая-то невидимая связь, но он не торопился переводить ее в какое-либо иное русло, кроме прежних дружеских отношений, и временами меня охватывало отчаянье, что он никогда, никогда не полюбит меня иначе, чем своего маленького друга Лешку, так нуждавшегося в его внимании много лет назад.

Перед отъездом я снова зашла к Литинским, чтобы проститься со всеми до следующего года. Крис и пани Изольды не оказалось дома, а Зигмунт сидел на веранде и читал какой-то толстенный учебник.

– Я уезжаю! – едва поздоровавшись, выпалила я. – Через два часа у нас с отцом заказано такси. А вы?

– Мы уедем дней через пять, – спокойно сказал он, отрываясь от книги.

– Ты приедешь на следующий год?

– Наверное. Только попозже, мой отпуск начнется где-то в середине июня. Надеюсь, ты не бросишь институт сразу же на первом курсе? Хотя бы ради меня.

– Нет, конечно. Я буду очень скучать по тебе.

– Я тоже.

– Может быть, ты приедешь ко мне в гости на зимние каникулы? Я познакомлю тебя с моей мамой.

Он мимолетно улыбнулся и прикрыл глаза, словно безмолвно соглашаясь, но потом все-таки сказал:

– Конечно, приеду, если получится. Спасибо за приглашение.

Я вздохнула.

– Я пойду. А то отец и так, наверное, ругается, что я исчезла.

– Счастливо тебе, малыш.

Он был абсолютно спокоен, очень спокоен и напряжен. Возле дверей он неожиданно окликнул меня.

– Секунду, малыш.

Я смотрела, как он приближается ко мне и мое сердце ликовало. Мне казалось, что он обнимет меня, поцелует и оставит с собой навсегда, увезет к себе домой, в Ригу, и мы с ним никогда больше не будем расставаться. Но он просто надел мне на шею цепочку с иконкой с надписью на немецком языке. Если бы мы знали тогда, что видим друг друга в последний раз! Эту иконку я носила, не снимая, долгие восемь лет, и потеряла накануне своего замужества. Звенья тонкого замочка серебряного шнура ослабли и разошлись, и цепочка просто соскользнула с моей шеи, в то время как я даже не подозревала об этом, унеся с собой даже тень памяти о моей первой детской любви, память о которой будет преследовать меня вечно.

Этот год, первый год моей студенческой жизни и последний год жизни Зигмунта, пролетел мгновенно. Быстрая метаморфоза, произошедшая со мной и превратившая меня из неуклюжего подростка в красивую девушку, подействовала на меня опьяняюще. На меня стали обращать внимание мальчики, я разбаловалась, стала развязнее, постепенно начала кокетничать, улыбаться, но, тем не менее, всегда строго помнила об определенной черте, выходить за которую я не должна, потому, что хотела сохранить себя для Зигмунта. И не только сохранить, а получить его любовь и уважение. Некоторым образом, я даже практиковалась на этих несчастных мальчиках, которым я нравилась, практиковалась в умении разжечь в сердце мужчины пожар. В своей наивности я не понимала, что пожар в крови мужчины даже разжигать не надо, он всегда тлеет под покровом его плоти, а любовь, любовь – это что-то совсем другое, это то, что дается раз в поколение только избранным. Я не была в их числе.

Накануне лета, весной, незадолго до сессии, в Саратов случайно, по дороге домой заехал Шалва. Он подрабатывал где-то на Севере, был уже довольно денежным человеком для нашего времени – шел первый год так называемой «Горбачевской перестройки». Шалва всегда очень тепло относился ко мне, любил как свою маленькую сестричку, кавказцы могут так относиться к девочке, девушке, которая нравится им, просто нравится, и все. Он пригласил меня вместе с Крис и ребятами на лето к себе в Тбилиси, посмотреть на тот хорошенький домик на берегу моря, который он построил себе на заработанные денежки. Конечно же, я согласилась! Лето на побережье Черного моря для человека со студенческой стипендией, это была неслыханная удача! К тому же, я тоже любила и уважала его как старшего брата, он «подарил» мне свое безумное увлечение историей, которую я отныне изучала в университете. Словом, у меня не было причин отказываться, но если бы я знала, чем обернется для меня этот «черноморский курорт»!

А произошло следующее. Крис, которая тоже получила подобное предложение, по какой-то таинственной причине не сказала о нем брату, а проболталась своему красавцу-кузену, в которого она была всегда по уши влюблена, и упомянула о том, что я тоже приеду в гости к Шалве. Зигмунт и Шалва всегда были в прекрасных отношениях. Но как свойственно в юности, оба они хотели быть непререкаемыми авторитетами для «младших», и между ними на этой почве всегда шла подспудная, часто даже явно неосознанная борьба. В данном случае речь шла одновременно и о «младших», и обо мне лично. Положение усугубило и то, что сам Зигмунт такого предложения от Шалвы не получил. Поэтому небрежное замечание Эгиса Ротенбурга об этой «веселой компании» прозвучало для него чуть ли не оскорблением. Я думаю, как впрочем, и пани Изольда, что к тому времени Зигмунт уже понял, что влюблен в меня и перестал с этим бороться. Если бы о нашем планируемом путешествии он узнал от матери, от Кристины или от меня, то он бы не воспринял это таким образом. Я до сих пор клянусь себя за то, что я не предупредила его, но я просто хотела сделать ему сюрприз: в последний момент удивить и обрадовать его тем, что мы проведем вместе месяц в солнечной Грузии, на берегу Черного моря, одни, без постоянного ненужного и раздражающего надзора родителей.

Но этого не произошло. Напротив, события развивались по какому-то глупому сценарию из дурацкого фильма ужасов, когда ты не можешь знать и понимать, какие причины на самом деле управляют поведением людей. Почему, например, после разговора с Эгисом Ротенбургом Зигмунт сел на мотоцикл и поехал из Юрмалы, где он работал, в Ригу, для того, чтобы сесть на самолет до Саратова и пока не поздно, остановить меня? Кроме того, никто толком не знал, что именно сказал Эгис Ротенбург Зигмунту. А я твердо убеждена, что он сказал ему нечто большее, чем запомнила Кристина. Нечто, что заставило такого спокойного и рассудительного Зигмунта через два часа после этого разговора сорваться в аэропорт.

Шел дождь, асфальт был мокрый, Зигмунт торопился – и произошло то, что должно было произойти: на очередном повороте мотоцикл занесло, он не сумел справиться с управлением и разбился насмерть, припечатавшись к кузову идущего впереди грузовика рефрижератора.

Глава 3

Честно говоря, я плохо помню, как мне удалось пережить последующие два года. Всю вину за смерть Зигмунта наши общие друзья, кроме пани Изольды и Кристины с Эгисом, возложили на нас с Шалвой. О том, кто и в какой форме преподнес информацию Зигмунту, никто, конечно, не вспоминал. Не красавчик Эгис Ротенбург во всем виноват, в самом деле! Со мной перестали здороваться некоторые знакомые, я жила, как зачумленная. Мало того, что я потеряла парня, который был моей первой любовью, так меня же еще и обвинили в его смерти, и в самый трудный момент в жизни от меня отвернулись все. Я бросила университет, я никого больше не хотела видеть. Я хотела умереть. Но отравиться мне казалось глупым, попасть в аварию не получалось, к тому же долго сидеть на одном месте и ничего не делать я не могла. Чтобы как-то избавиться от своеобразного остракизма со стороны друзей, я переводом поступила в другой институт, надеясь, что там, где меня никто не знает, я смогу постепенно начать свою жизнь заново.

Но оказалось, что я внезапно потеряла весь вкус к жизни. Мне ничего не было интересно. Мне даже не хотелось уже общаться со сверстниками. Я сидела на лекциях, возвращалась домой и все вечера проводила с книжкой или с подушкой. Прошел год, прежде чем в моей жизни появилась новая знакомая – однокурсница Инна и мальчик с нашего же курса – Сережа Соболев. А немного погодя вновь возникла тень красавца Эгиса Ротенбурга.

Сережа Соболев был высоким здоровым парнем, несколько простоватым и грубоватым на вид. Но он был умен, а временами то трогательно романтичен, то откровенно циничен. Ко мне он относился с каким-то невероятным чувством почтительной осторожности, словно к произведению искусства или к поразительно ядовитой змее. Долгое время я просто не обращала на него внимания, но вскоре оказалось, что мы живем по соседству и возвращаемся с занятий на одном трамвае. Помнится, когда я столкнулась с ним впервые у поручней подъезжавшего к моей конечной остановке трамвая, а не на лекции в институте, я удивилась и не очень-то вежливо, не здороваясь, спросила:

– А ты-то что здесь делаешь?

Он посмотрел на меня и спокойно ответил:

– А я вообще-то тут живу. Давно. Вот уже пятнадцать лет.

Я посмотрела на него и неожиданно для самой себя прыснула со смеха. И мы подружились. Честно говоря, я никогда не смотрела на него как на возможного кандидата в мужья. Никогда. На кого угодно, но не на него. Но жизнь распорядилась так, что замуж я вышла все-таки за него. И очень об этом пожалела.

Три года до окончания института мы просто дружили. Вместе ездили в институт и из института, иногда гуляли по набережной. Мне нравилось с ним разговаривать. Он много знал, но не был занудой или заучкой. Как-то раз на набережной мы нос к носу столкнулись с Эгисом Ротенбургом. Помню, меня поразило, что он стал еще красивее, чем был. Казалось, такое уже невозможно, но это было так. Хорошо одетый, невероятно красивый и элегантный, он прошел мимо нас, внимательно посмотрел на Сережу, потом взглянул на меня, улыбнулся мне одними глазами, и, как истинный джентльмен, видя, что мне неприятна эта встреча, предпочел не афишировать наше знакомство. Наивный в некоторых вопросах Сережа даже не заметил этого.

Вечером Эгис позвонил мне домой.

– Привет, малышка! – бодрым голосом, как будто ничего не произошло, как будто бы это не он сломал мне жизнь и устроил из нее ад крошечный в течение трех лет, сказал он. – Ты не хочешь встретиться со мной?

– Пошел ты к черту! – сказала я и положила трубку.

Он позвонил снова. И звонил каждый вечер в течение двух недель. Наконец, мне это надоело, и я сдалась.

– Чего тебе от меня надо? – грубо спросила я в трубку.

– Я хочу встретиться с тобой, – мягко ответил он.

– Зачем?

– Я хочу снова предложить тебе стать моей женой.

Удивляюсь, как меня не хватил удар от злости. Я грохнула трубку на телефон и в течение часа ходила одна по пустой квартире, ругаясь матом, как наш сосед-водопроводчик. Когда мне стало это надоедать, зазвонил телефон.

– Успокоилась? – вновь услышала я его глубокий бархатный голос.

– Оставь меня в покое! – каким-то невероятным усилием мне удалось не сорваться на крик. – Я никогда, никогда не выйду за тебя замуж. Никогда. Я лучше умру.

Чтобы не слышать больше его голоса, на следующий день я приняла предложение Лешки поехать с нашими ребятами и девочками из института в археологическую экспедицию на две недели. Это, к тому же, освобождало меня от летней практики в качестве вожатой в пионерских лагерях.

Мы с Сережей приехали немного позже всех остальных. Когда я спрыгнула вслед за ним из кабины подвозившей нас от деревни до археологического лагеря попутки, я была удивлена тишиной, установившейся среди одноклассников. Лешка гордо смотрел по сторонам. Я действительно выглядела нелепо в своих светлых брюках и белой тенниске, с распущенными длинными светлыми волосами среди чумазых, одетых в штормовки и джинсовые шорты ребят и девчонок. Мы жили с Сережей в одной палатке, он на одной стороне, я – на другой. Я абсолютно убеждена, что все думали, что мы спим вместе. Но ничего подобного не было. Этот мальчик был удивительно целомудренен для Саратова. Никогда за все это время он не позволил себе даже намек на какую-либо близость, и это притом, что вокруг нас крутили романы, целовались и трахались все остальные. Мы бродили с ним по ночам по окрестностям, много говорили, много узнали друг о друге, он мне очень нравился как человек, но я не воспринимала его как мужчину. Наверное потому, что я привыкла к красивым стройным мальчикам, вроде Зигмунта, Шалвы, или того же Эгиса Ротенбурга, а Сережа при своем высоком росте был грузноват, круглолиц и, на мой взгляд, слишком коротко подстрижен.

После нашего возвращения в Саратов он уехал в другую экспедицию, в Польшу, даже написал мне оттуда два письма с хронологически точным описанием того, что он делал, и все.

От Кристины, единственной из моих прежних бакинских друзей, с кем я поддерживала связь до сих пор, я узнала о ее браке с Иваром Ротенбургом, и о том, что, в связи с перестройкой, Ротенбурги вспомнили о том, что они остзейские немцы, отыскиали в ФРГ свою родню и, по всей видимости, скоро уедут за бугор. Всей семьей. Я пожелала ей счастья в личной жизни и весьма решительно отвергла ее предложение поспособствовать нашему союзу с её обожаемым деверем.

Через полгода, зимой 1988 года, Эгис Ротенбург вновь появился в Саратове.

Этот мужчина обладал магической властью над женщинами – я не встречала ни одной девчонки, которая, столкнувшись с ним, в него бы ни влюбилась. За исключением меня, уродины. К этому времени я не то чтобы стала забывать Зигмунта, просто моя жизнь словно раздвоилась, я была я и вроде бы уже не я. Мне казалось, что Зигмунт, Баку – всего лишь сон, далекий и красивый сон, после которого поутру хочется плакать, не более. Словом, когда Эгис возник вновь, у меня уже не было желания бежать от него сломя голову. Я встретила его у Ксении, подружки Кристины, семья которой переехала в Саратов лет пять назад потому, что ее отец был военным. Для меня эта встреча была случайной, и я осталась совершенно спокойна: что поделать, раз так получилось. Это была обычная студенческая вечеринка, с вином и тан-

цами. Кто не пил, тот танцевал. Он пригласил меня на медленный танец, который начал входить в моду. Я согласилась.

– У тебя кто-то есть? – пронизательно глядя мне в глаза, через некоторое время спросил меня он.

В неясном свете ночника Ксении, при котором вся компания танцевала, я видела его искристые глаза, блеск которых приглушали длинные темные ресницы, его четкий профиль, чуть приоткрытые чувственные губы. В какой-то момент мне захотелось прижаться к нему, навсегда забыть про все на свете и обрести, наконец, покой. Он почувствовал этот порыв, его тело под тонкой рубашкой и легкими брюками напряглось, он был удивительно чувствителен к моим настроениям всегда, с того самого момента, когда я первый раз увидела его в Баку. И я тоже ощутила это. Чтобы погасить свой порыв, я довольно цинично ответила, нарушая хрупкое очарование:

– Если ты имеешь в виду, сплю я с кем-то или нет, то – нет, не сплю.

– Ты грубишь?

– Я отвечаю на вопрос.

– А этот парень с замашками извозчика, с которым я тебя видел? Ты встречаешься с ним? – не отступал он.

– Это не твое дело.

– Он не подходит тебе.

– А ты подходишь?

– Я подхожу, – он улыбался. – Я люблю тебя, я давно тебя знаю, я знаю, что тебе нужно, и я могу дать тебе такую жизнь, какую ты заслуживаешь.

– Даже так?

Я пыталась понять, издевается он надо мной или говорит серьезно. Его рука властно прижимала меня к себе в танце. Почти касаясь моей щеки губами, он тихо говорил:

– Ты слишком красива для того, чтобы достаться такому мужлану, как этот твой друг. У тебя хорошая кровь, как и у нашего рода. Выходи за меня замуж. Наш ребенок будет красив.

– Остановись!

Я резко отстранилась от него и, глядя ему в глаза, сказала, чуть ли не по слогам:

– И не мечтай об этом, понял? Только через мой труп!

Мы увиделись снова примерно через год.

За этот год произошло многое. Я закончила институт и безуспешно попыталась избавиться от порядком надоевшего и раздражавшего меня Сережи. Он, со своей стороны, упорно не желал «отлипнуть» от меня, после института помог мне устроиться на работу, покорно сносил все мои придирки и всплески буйного темперамента, так что, в конце концов, я сдалась. К зиме того года, как мы закончили институт, я уже с ним спала. Но замуж за него не собиралась. Впрочем, он мне и не предлагал. Вообще, вся эта история имела очень странный привкус. Я пошла на близость с ним потому, что мне было интересно, что же «это» такое. Я чувствовала себя неполноценной, не познав этого. Секса в Советском Союзе, как известно, для порядочных мальчиков и девочек, не существовало, даже несколько лет после перестройки. Кроме того, у меня имелось глубоко запрятанное корыстное намерение – если «это» больно, как говорят, то лучше проделать «это» с Сережей, которого я могу послать подальше в любой момент без всяких проблем, если мне не понравится, тогда как с мужем, для примера, я сделать этого не смогу. К тому же Фрейд, которым в тот период все зачитывались, говорил даже о каком-то комплексе у женщин, мужа которых делали им больно при первой близости. Словом, я решила убить одним выстрелом двух зайцев – узнать, что «это» такое и заодно обезопасить от боли свою будущую жизнь с мужем, которого я хоть и не буду любить так, как Зигмунта, но который будет подходить мне больше, чем Сережа, которого я считала только другом.

Надо отдать ему должное, этот мальчик оказался очень нежен и тактичен. Больно он мне не сделал. Нельзя сказать, что секс с ним мне нравился, просто после того, как это произошло, Сережа уже намертво приклеился ко мне. Он терпел все мои временами нарочитые дикие выходки и, молча, проглатывал все обиды, которые я иногда намеренно наносила ему, чтобы узнать, есть ли предел его ангельскому терпению. Про свою любовь, правда, он говорил мне только в постели. Меня унижали и задевали такие отношения, я не раз пыталась послать его подальше, но он выжидал некоторое время, потом снова приходил ко мне, и все начиналось сначала. Я не знаю, чем это объяснить. Скорее всего, мне не хватало тепла. Я оставалась с ним только потому, что к нему можно было прижаться, лежать рядом, чувствуя тепло его тела и нежиться в мягком облаке его обожания. Он ни в чем меня не ограничивал и ничего мне не обещал. Ему не было до меня никакого дела. Он меня ничему не учил, ничего не заставлял, ничего от меня не требовал. Несколько раз он мельком заговаривал о замужестве, но я только смеялась над этим, и разговор угасал сам собой. Забавы ради, чтобы увидеть, как он ревнует, я рассказала ему о Зигмунте, об отношениях с ним, об Эгисе Ротенбурге и о том, почему я никогда не смогу полюбить мужчину. Он все это проглотил и сделал выводы. Никогда у меня не возникала мысль о возможности выйти за него замуж. Никогда, до того времени, как события внезапно вырвались из-под контроля.

Глава 4

Я встречалась с Эгисом Ротенбургом в Саратове еще два раза.

Он был очень мил, любезен, каждый раз повторял с улыбкой свое предложение о замужестве, не обижался на очередной отказ и говорил, что рано или поздно все равно добьется своего. Мы даже в какой-то степени с ним подружились.

Несмотря на свои блестящие внешние данные, он был умен, чрезвычайно язвителен и остроумен, с ним интересно было говорить. Его психика была чувствительной, как у женщины, он чувствовал малейшие нюансы моего поведения, интонации голоса, с какой было сказано то или иное предложение, и я, в свою очередь, ощущала то же самое в отношении него. Постепенно между нами установилась какая-то изумлявшая меня чувственная близость. Он вел себя так, словно мы были парой, хотя после того поцелуя на пляже на Северном Гресе много лет назад, мы ни разу даже не коснулись губами щеки друг друга при встрече или прощании.

Я была в курсе всех его дел. Он покинул Советский Союз с дипломом врача-хирурга в кармане, и буквально за два года сделал себе головокружительную карьеру в Германии. В настоящее время он заведовал отделением хирургии в одной из частных клиник Гамбурга, занимался современной медицинской техникой в фирме своего немецкого деда и в качестве младшего партнера входил в состав другой фирмы, продававшей оборудование для бывшего Союза, и в частности, для нашей Саратовской больницы имени Лукачева.

Ему было тогда тридцать три года.

Накануне нового года, в начале декабря 1989, он внезапно позвонил мне домой из Гамбурга и пригласил провести с ним и его родителями неделю в Москве.

– Зачем? – изумилась я.

– Мама хочет познакомиться с тобой, – в его голосе звучала насмешка. – Хочет увидеть девушку, которая вот уже семь лет водит за нос ее сына. Сына, от которого все другие женщины без ума.

– От скромности ты, конечно, не помрешь, – уточнила я, просто чтобы выиграть время и подумать, что сказать.

– Несомненно. Итак?

– Где я там буду жить?

– Я с радостью предложу тебе свой номер.

– А сам?

– Но ты же не выгонишь меня на улицу?

– Еще слово, и я положу трубку!

– Хорошо, успокойся, – уже другим тоном сказал он. – Мама будет жить у своей подруги по институту. Она состоятельная дама с хорошей квартирой, так что места для тебя хватит. Приезжай, не пожалеешь. Я гарантирую тебе ужины в лучших ресторанах столицы.

– Еще чего!

– Я оплачу твой проезд туда и обратно и даже выдам тебе командировочные, – пообещал он.

– И заставишь их отработать? – съязвила я.

– Ну, зачем же так плохо обо мне думать, – с насмешкой парировал он. – И потом, с нами будет моя мама. Она не позволяет мне делать глупости. Но, если ты хочешь быть совершенно уверена в том, что я безопасен, то я скажу, что Крис и Ивар тоже собираются с нами. Итак?

– Я приеду, – помедлив, согласилась я, подумав про себя, почему бы и нет?

– Спасибо, дорогая. Я буду тебя ждать, – отозвался он.

Первое, что я увидела, сойдя с поезда на Казанском вокзале в Москве тремя днями позже, была его улыбка, чистая, белозубая, такая нетипично советская, что я даже поразились, как граница влияет на людей.

Рядом с Эгисом стояла высокая сухопарая женщина со строгим лицом и гладко зачесанными в замысловатую прическу волосами цвета неочищенного каштана. Она тоже улыбнулась мне, в то время как глаза ее настороженно изучали каждую черточку моего лица.

Через несколько минут к нам присоединился и отец Эгиса, красивый седой мужчина, от которого оба брата Ротенбурга унаследовали свои великолепные фигуры.

–Какая милая девочка! – удивленно воскликнул он, взглянув на меня, обращаясь к своей жене по-немецки после того, как Эгис представил меня родителям. – А ты все пилишь его, что он не думает о своем будущем. Можешь считать, что мое благословение ты уже получил, сын.

–Папа, – мягко сказал Эгис, усмехнувшись и вытаскивая из моих рук спортивную сумку, с которой я приехала. – Она прекрасно говорит по-немецки, спроси пани Изольду, она сама ее учила, а по-английски понимает в пределах школьного курса. Так что, я думаю, нам лучше перейти на русский.

– По-латышски барышня тоже говорит? – спросил меня отец Эгиса, хитро улыбаясь.

– Нет. Но я понимаю! – сказала я.

Он засмеялся. Когда подошли Крис и Ивар, мы уже болтали с ним, как будто были знакомы всю жизнь. Я ему нравилась, я чувствовала это.

Крис налетела на меня как ураган, тормошила, расспрашивала, демонстрировала свои наряды, и в такой суматохе я не заметила, как меня погрузили в машину и отвезли на место поселения этой веселой семейки.

Ужинали мы в «Космосе», где, кстати, и поселился Эгис, а затем, глядя на него, Кристина и Ивар. Ради такого случая Крис предложила мне платье, которое купила в Гамбурге как подарок к моему дню рождения.

Это было черное с блестками вечернее платье, длинное, узкое, с высоким разрезом с одной стороны от полы до середины бедра, с сильно декольтированными плечами и спиной. Только Крис могла догадаться подарить нечто подобное человеку, вышедшему из семьи инженеров бывшего Союза. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят.

Когда мы с Крис были почти одеты к ужину и в номер зашли мальчики, Ивар галантно сделал своей жене дежурный комплимент и поцеловал ее в висок, а Эгис в молчании некоторое время разглядывал меня, а потом коротко сказал:

–Волосы надо поднять.

Он собственноручно поднял и заколол густую копну моих белокурых волос.

–Как здорово! – тут же закричала Кристина. – Тебе очень идет. Ты стала очень красивой, Елена, и даже чем-то похожа на нашу немецкую тетку со старого портрета в замке.

А я почувствовала, как пальцы Эгиса, в то время как он касался моих волос, скользнули одновременно беглой лаской по моей шее к плечам и коснулись щеки.

Во время ужина он не сводил с меня глаз. Когда Кристина и Ивар, немного поддав, пошли танцевать, он, проронив несколько ничего не значащих замечаний, вдруг положил передо мной на стол лист бумаги с гербовой печатью, готическими буквами и немецким текстом.

–Что это? – не поняла я.

Он пододвинул свое кресло ближе к моему.

–Это – брачный контракт, – помолчав, сказал он.

–Что-о? – изумилась я.

–Прочитай. Может быть, тебе понравится, – его темные глаза блеснули в полутьме зала.

–Ты с ума сошел! Я, по моему, ясно тебе сказала, что замуж за тебя не выйду. Никогда, – негромко сообщила ему очевидное я.

–«Никогда» – это страшное слово, – холодно ответил он, – не стоит бросаться им походя. Ведь мы же всегда нравились друг другу. Почему ты упрямимся? Я не понимаю.

–Потому что между нами всегда будет стоять Зигмунт, – понизив голос, сказала я. – Ты сам все прекрасно понимаешь, не стоит прикидываться идиотом!

Я кусала губы и уже жалела о том, что согласилась приехать в Москву, соблазнившись возможностью развеяться и увидеться с Кристиной.

–Но он умер, – Эгис накрыл пальцы моей руки, лежащей на столе, своей рукой. – Он умер, а ты жива. Жизнь продолжается.

–Заткнись! – не совсем вежливо сказала я. – Заткнись, или я надену эту салатницу тебе на голову.

К нам неожиданно приблизился какой-то молодой парень из-за одного из соседних столиков, которого я сначала приняла за официанта из-за его фрака, и пригласил меня танцевать. Я покачала головой, и он отошел, разочарованный.

–Это мой коллега из Гамбурга, – через некоторое время, разделяясь с бифштексом, небрежно сообщил мне Эгис, не отрывая глаз от тарелки.

–Я должна была пойти с ним танцевать? – уточнила я.

–Ты никому ничего не должна, – он поднял на меня глаза. – Просто он богат и очень разборчив. Я начинаю опасаться надолго оставлять тебя одну.

Я не успела ничего ответить – к столику вернулись Крис и Ивар. Кристина увидела валяющуюся бумажку с гербовой печатью, взяла ее, прочитала, и, ахнув, сияющими глазами взглянула на меня, а потом на Эгиса.

–Вы поженитесь? – радостно закричала она.

–Крис! – укоризненно сказал Ивар, улыбаясь. – Она еще не подписала ее, и я что-то не вижу коленапреклоненного Эгиса с кольцом.

–Если дело только за этим, – внимательно наблюдая за выражением моего лица, произнес Эгис, отставляя в сторону свой бокал с вином. В следующую минуту его пальцы скользнули к верхнему карману его дорогого, хорошего пошива пиджака, и он, помедлив не секунду, вытащил оттуда маленькую коробочку, обтянутую черным с золотом сукном.

Мне сразу же стало нехорошо. Какого черта! Чего он добивается? Хочет, чтобы я опозорила его на глазах всей публики или, наоборот, надеется, что я не посмею этого сделать?

Он открыл коробочку, любопытная Кристина сразу же заглянула внутрь и снова ахнула:

–

Какая прелесть! Ты только посмотри!

Кольцо и в самом деле было великолепным. Золотое, тонкой работы, словно сплетенное из тончайшей паутины, с крохотными вкраплениями драгоценных камешков на поверхности с фронтальной стороны. Красивые вещи в самом деле завораживают – я не могла отвести от него глаз. И не смогла уследить, когда этот упрямый болван встал на колени и протянул коробочку к моему носу. Я невольно поднялась на ноги, на секунду замешкавшись, лихорадочно соображая, как бы поумнее выпутаться из этого дурацкого положения, в которое он меня поставил. Кристина истолковала моё замешательство по-другому.

–Официант, ручку! – потребовала она.

Когда ей услужливо и слишком быстро, не мой взгляд, принесли шариковую авторучку, она протянула ее мне и, подсунув бумажку, скомандовала:

–Ставь свою подпись, бери кольцо, и мы обмоем это сейчас же, немедленно. Мы все будем одна семья, мы станем сестрами, Елена, это замечательно!

Я растерянно посмотрела на нее, а затем перевела взгляд на Эгиса. Все еще коленапреклоненный, он смотрел на меня в упор, молчаливо дожидаясь своей участи, глаза его улыбались.

Почему все, что делает этот красивый парень, он делает назло и вопреки мне? Почему он не хочет меня слушать? Почему, в конце концов, он ко мне прицепился, именно ко мне, уродине, которая равнодушна к его чарам?

В этот момент я с фотографической точностью на мгновение увидела четкий пробор в его густых чуть волнистых каштановых волосах, подрагивающие темные длинные ресницы, когда он опустил глаза, его гибкие сильные пальцы хирурга, обхватившие сукно коробочки с кольцом. Что я могла поделать? Только то, что он вынудил меня сделать.

Я положила ручку на бумагу и, глядя ему в глаза, сказала:

–Никогда!

Глава 5

– Ты просто идиотка! – выговаривала мне ночью в нашей с ней комнате Кристина. – У тебя шариков в голове не хватает. Ну что тебе еще надо, а? Он красивый, он тебя любит, деньги у него есть, отец-мать прекрасные, хотя для вас это не важно, все равно будете жить отдельно, там не наш «совок». Я просто отказываюсь верить в то, что все это из-за той глупой истории с моим братом! Да, это ужасно, что он погиб, это страшный удар для всех нас, но, в конце концов, вы с ним не были женаты, даже не крутили роман, ты была еще девчонкой, и это глупо и жестоко, что тебя обвинили в его смерти, сейчас это признают уже все. Ни ты, ни Эгис в этом не виноваты. У каждого своя судьба, понимаешь? Зачем же ты калечишь себе жизнь из-за какого-то воображаемого комплекса вины? Ведь он любит тебя, любит, он влюбился в тебя пять лет назад и помнит тебя до сих пор, он, Эгис Ротенбург, который обычно забывал о своих девчонках на следующий же день! Ты дурочка, точно, дурочка. У тебя никогда в жизни больше не будет такого парня, как он!

– Надеюсь, – вздохнула я, утомленная ее длинной речью. – Знаешь, давай махнемся в таком случае. Ты отдашь мне своего Ивара, он мне больше нравится, а себе забирай этого распрекрасного Эгиса Ротенбурга.

– С удовольствием! – хихикнула в ответ она. – Только в том случае, если он усыновит моего будущего ребенка!

– У вас будет ребенок! – теперь уже ахнула я. – Крис! Поздравляю!

Все семейство узнало об этом на следующее утро. Счастливый будущий дедушка принес шампанского, мы выпили его и сидели за столом, как добропорядочная немецкая семья на рождество: папочка рядом с мамой, Крис с Иваром, я – с Эгисом, у которого, к моему удивлению, вовсе не возникало желания убить меня за вчерашнюю сцену в ресторане. Потом фрау Ульрика, мать Эгиса, попросила его сыграть. Он охотно подсел к роялю, занимавшему центральное место в огромной гостиной комнате роскошной генеральской квартиры ее московской знакомой.

У него гибкие длинные и сильные пальцы хирурга, он играет великолепно, я несколько раз слышала его исполнение в Баку, когда была еще девчонкой, в доме у Литинских, но сейчас он превзошел самого себя.

– Почему он не стал музыкантом? – шепотом спросила я у фрау Ульрики, которая оказалась рядом со мной на его месте. – У него талант.

– У него много талантов. Он разбрасывается, – со вздохом отвечала мне она.

Последующие пять дней вместе с этими милыми людьми пролетели мгновенно. В субботу отправились в Гамбург поездом сначала Кристина с Иваром, которые по дороге хотели остановиться у родственников Кристины в Польше. Вечером того же дня мы с Эгисом проводили его родителей на самолет в Гамбург, вылетающий из Шереметьева.

При прощании в аэропорту фрау Ульрика неожиданно поцеловала меня в щеку, как прежде Кристину, посмотрела на меня, потом на Эгиса, хотела что-то сказать, но в последний момент удержалась, и лишь долго махала нам из очереди на регистрацию отправляющихся пассажиров. Сам Эгис должен был улететь завтра, в воскресенье вечером, проведя уикенд со мной и отправив затем меня в Саратов дневным поездом.

В субботу вечером мы вновь отправились в ресторан гостиницы «Космос». Эгис принес мне красное платье, очень короткое, но вполне приличное, с широкой расклешенной юбкой и туго перехваченное в талии, почти прозрачное и состоящее местами из одних очень красивых красного цвета кружев, образующих вставки на груди, в талии и чуть выше локтя на рукавах. Он сам подбирал для меня макияж и, в конце концов, когда я взглянула на себя в зеркало, я

увидела отражение, в котором с трудом узнала себя – отражение такой красивой стервы, что мне на минуту стало ни по себе.

В ресторане он вел себя очень мило, мы мало ели, в основном танцевали и пили прекрасное темное выдержанное вино. Часов около двух-трех утра мы поднялись к нему в номер, чтобы переодеться перед тем, как ехать домой. Если он и был немного навеселе, то по его виду это было трудно определить. Я определенно поддадала больше, чем следовало, но с ног пока не валилась. Мы смеялись, он подшучивал надо мной из-за того, что я, покачиваясь на высоких каблуках, порой теряла равновесие. Наконец, с видимым облегчением опустившись в кресло в номере, он со вздохом признался, что сам чувствует себя так, словно на палубе в небольшой шторм и предложил нам обоим сначала немного протрезветь, а потом уже выходить на улицу, благо запас времени до моего поезда еще есть. Я согласилась. Проходя мимо него, чтобы пересечь с дивана, на который он меня как куклу предварительно посадил, и где меня непреодолимо тянуло упасть и уснуть немедленно, в кресло, я на секунду снова покачнулась, теряя равновесие, он инстинктивным жестом поддержал меня, его руки коснулись моей обнаженной спины и едва прикрытых этим проклятым коротким платьем бедер. Он вздрогнул, и вдруг все изменилось. Он иступленно прижал меня к себе, потом рывком встал и снова, уже удобнее для него, перехватил и сжал меня в своих объятьях. Я попробовала вырваться и закричать, но его губы заглушили мой слабый вскрик, его поцелуй был таким чувственным и грубым, что у меня захватило дыхание. В это время его сильные руки рвали платье на моей груди, крепко ласкали высвобожденные из-под тонкой материи груди, раздражая пальцами соски. Я выгибалась в его руках, пытаюсь бороться, но, казалось, это еще больше разжигало его страсть. Я никогда не предполагала, что он так силен. Я не могла пошевелиться в его железных объятьях. Его руки постепенно дошли до моих бедер, он сорвал с меня тонкую полоску трусиков, и в этот момент его словно прорвало. Подхватив меня на руки, он отнес меня на кровать и, прижав своим телом, почти обнаженную, стал поспешно, одной рукой, выдирая с мясом пуговицы и запонки, раздеваться сам. По выражению его лица я понимала, что мне его не остановить. Кроме того, выпитое за ужином вино давало о себе знать. Руки точно налились свинцом, голова была ватной. Я снова попробовала закричать, но сделала только хуже – он обрушился на меня всей тяжестью своего тела, и сквозь ужас всего происходящего я внезапно почувствовала, как меня охватила какая-то сладостная дрожь от движений его великолепного тела. Он отвел мои руки за голову и, удерживая их одной рукой, стал целовать мою грудь, обводя языком вокруг сосков, а затем легонько прикусывая их губами, и вот тут я уже выгибалась и стонала от стыда и сладострастия. Чувствуя сопротивление, он не стал истязать меня дольше, опасаясь, видимо, что я смогу каким-либо образом освободиться. Разведя коленом мои ноги, он прижался к моим бедрам своими, сильно вошел в меня, и в тот же миг мы задрожали с ним словно охваченные лихорадкой, содрогаясь от сильных движений его тела. Его губы почти касались моего лица, я видела его полу прикрытые и словно подернутые дымкой глаза, его невероятно красивое порозовевшее лицо. Он отпустил мои руки, и они, как плети, бессильно лежали на одеяле. Я давно уже перестала сопротивляться, и все мои усилия были направлены на то, чтобы не показать ему моего постыдного наслаждения от его ласк, чтобы не обвить его шею руками и еще крепче прижать его к себе. Но мое тело предавало меня. Оно льнуло к нему, жаждало его близости. Я попробовала закрыть глаза, но он, оторвавшись от моих губ, хрипловатым от пережитой страсти голосом, приказал:

–Открой глаза! – и я вынуждена была взглянуть ему в глаза, причем именно в тот момент, когда мне больше всего этого не хотелось.

В этот миг, словно на вершине гребня волны, когда я уже видела блаженный берег далеко внизу и готова была с наслаждением соскользнуть в пучину навстречу ему, он внезапно остановился, в то время как мое тело не могло остановиться, оно продолжало вибрировать, словно призывая его продолжить начатое путешествие.

–Так как насчет моего предложения? – я видела, как его губы дрожали от страсти, в глазах проходили отблески и тени от какого-то внутреннего света, тело трепетало от сдерживаемого желания.

–Замолчи, – с трудом выдавила из себя я, так как мое голос, как и тело, отказывался мне подчиняться. – Доводи до конца, что начал и убирайся.

–Это совсем не обязательно, – он стал решительно отстраняться от меня, но я, вне себя от ярости и унижения, ударила его по рукам, которыми он опирался о постель, лишив, таким образом, опоры, и он всей тяжестью рухнул на меня.

Его движения возобновились вновь. Теперь они были резкие и короткие. Забыв обо всем от наслаждения, которое они мне приносили, я обхватила руками его плечи, прижала его грудь к своей, его губы были возле моего рта, я дышала его дыханием, время от времени его поцелуи лишали меня возможности дышать вообще. Наконец, когда я снова почувствовала себя в полной и счастливой зависимости от него, инстинктивно подлаживаясь к его движениям и сжимая руками его бедра, заставляя крепче и сильнее погружаться в меня, я вновь услышала его шепот:

–Если ты произнесешь хоть одно слово любви, тебе будет несравненно приятнее...

Он снова остановился. Кусая губы от раздражающего меня желания, я простонала:

–Чего ты еще от меня хочешь, господи!

–Самую малость, – его глаза светились, смеялись в темноте. – Признайся, что тебе хорошо, что ты хочешь меня, и это превратится из пытки в наслаждение. Признайся, и ты получишь все, чтобы никогда не забыть эту ночь.

–Я и так ее никогда не забуду! – из последних сил упрямо пробормотала я.

Он засмеялся, и я почувствовала, как от легкой вибрации в его теле, вызванной смехом, мурашки наслаждения поползли по моей коже.

–Ты – единственная и неподражаемая, любовь моя, мой упрямый и негибачаемый оловянный солдатик...

–Зачем тебе это надо? – я умирала от того, что он перестал двигаться.

–Это надо тебе, глупышка.

Он шевельнулся, и все звезды с неба внезапно со страшным грохотом словно посыпались мне на голову, так, что тело мое содрогалось до тех пор, пока в нем с ослепительным взрывом не разлилось блаженное наслаждение, как некогда в туманном детстве, на заре рождения.

Однако по мере того, как это зарево гасло, я снова ощутила свое тело действующим, вновь почувствовала на нем губы и руки Эгиса, и снова что-то натянулось во мне, как струна от наслаждения от его прикосновений. Теперь я могу сказать, что он был очень опытным мужчиной. Тогда же я чувствовала лишь стыд от того, что ему удавалось так легко играть на чувственной стороне моей натуры. Эта сладостная пытка продолжалась, не прекращаясь, до самого утра. Я не помню того момента, когда полностью обессиленная и опустошенная, я провалилась в сон. Зато хорошо помню, как я проснулась.

Звенел будильник, заведенный на час дня. В три от Казанского вокзала отходил мой поезд на Саратов. Проснувшись, как от толчка, я первым делом вспомнила почему-то именно про поезд. Но уже в следующее мгновение сильная рука Эгиса развернула меня к нему, он склонился надо мной и нежно коснулся губами моего рта.

–Доброе утро, любимая, – его голос был просто само очарование, но сам факт того, что я проснулась в постели с ним, обнаженная, и он тоже, как бы это помягче сказать, был не одет, да еще смел при этом улыбаться, привел меня в состояние тихого ужаса.

Кровь мгновенно отхлынула от моего лица, я порывисто прикрылась простыней и в голосе моем, внезапно охрипшем, послышались истерические нотки:

–Да как ты посмел?!

Дальше я уже не могла продолжать.

Он откинулся на подушку и, прикрыв глаза, спокойно заметил:

–А мне показалось, что мы делали это вместе. И тебе понравилось.

–Скотина! – выплюнула я, кубарем скатываясь с кровати. – Кобель несчастный! Господи, ну за что ты наказываешь меня, в чем я перед тобой провинилась? На свете сотни миллионов женщин, миллионы из них красивее и лучше меня, какого черта ты ко мне прицепился, псих ненормальный! Тебе мало проституток Гамбурга и Москвы, какого черта ты пристаешь к приличным девушкам?

–Ну, девушкой, допустим, тебя не назовешь, – все с тем же олимпийским спокойствием уточнил он, воспользовавшись первой же паузой.

Я схватила с полу лежавший перед кроватью его домашний тапок и со всей силы ударила им его по лицу. Потом сгребла в охапку свои вещи и заперлась в ванной. Когда через полчаса я вышла оттуда, он сидел на диване, уже полностью одетый, перед включенным телевизором и пил кофе. Аромат хорошего и дорогого кофе витал по всей гостиной. Я с удовольствием увидела на его щеке слабый след от рифленой подошвы шлепка и пожалела, что на вес он оказался легче, чем на вид.

–Завтрак на столе, – обернувшись ко мне, все так же спокойно, как будто бы ничего не произошло, сказал он. – Если тебе вдруг захочется запустить в меня кофейником, смотри не обожгись. Для начала я рекомендую тебе осушить его содержимое.

На столике подле его чашки лежал тот самый лист с гербовой печатью, который я уже видела на днях в ресторане в обществе Ивара и Кристины. Обтянутая темным сукном коробочка с кольцом стояла тут же. Какое-то предчувствие заставило меня еще раз взглянуть на документ. Увидев, что помимо подписи нотариуса, свидетелей и Эгиса, на нем четко обозначена и моя роспись, я не поверила своим глазам. Выхватив лист из-под стоявшей рядом с ним пустой чашки, вероятно, предназначенной для меня, я с изумлением уставилась на свою подпись. Эгис даже не пошевелился. Только, чуть помедлив, не поворачивая головы, уронил:

–Это копия, любимая. Можешь взять ее себе.

Растерявшись, я лихорадочно соображала, когда же это меня угораздило такое подмахнуть, но тщетно, я помнила все подробности этой мерзкой ночи, но факт подписания этой бумажки совершенно выветрился из моей головы, которая, кстати, весьма ощутимо побаливала от излишеств вчерашнего пьянства. Наконец, отчаявшись что-либо вспомнить, я не нашла ничего лучшего, кроме как сунуть эту бумажку под нос Эгиса со словами:

–Ты хочешь сказать, что я это подписала?

Он взглянул на меня, и меня поразило выражение его глаз – они были спокойными и казались совсем темными и непроницаемыми, словно это не он до сих пор не мог даже смотреть на меня без того, чтобы в них не отражалось обуревавшее его желание.

–Тут и говорить не о чем. Ты подписала это и все, – почти холодно сказал он.

–Не может быть! – закричала я.

Он промолчал.

–Я тебе не верю! – упрямо повторила я, чувствуя себя попугаем.

Вздохнув, он поставил чашку на стол.

–Я никогда не думал, что первый день моей супружеской жизни начнется сразу же с семейной разборки.

–Семейной! – взорвалась я. – Да ты просто кретин!

–Не кричи, любимая. Посмотри лучше еще раз на этот документ и раз и навсегда поверь мне – теперь ты действительно моя жена, а я твой муж по закону. Я не вижу в этом никакой трагедии. Через некоторое время ты получишь загранпаспорт и уедешь со мной в Гамбург.

–Ага, и рожу тебе пятерых детей, а потом мы будем жить долго и счастливо и умрем в один день, – саркастически закончила за него я.

–Что в этом плохого? – поднял брови он.

– Мне плевать на твои бумажки! – не сдержалась я. – Я еду домой и больше никогда в жизни не хочу тебя видеть. Никогда! Мне даже голос твой мерзкий противен!

Подхватив свою сумку, я побежала к двери.

– Я провожу тебя, – остановил меня у дверей он.

– Не нуждаюсь! – я бесцеремонно отпихнула его со своего пути. – Отстань от меня, ради бога!

На вокзале, уже сидя в купе поезда, мне показалось, я увидела в толпе его лицо, но вполне вероятно, что я ошибалась, поскольку была так зла, что мне везде мерещилась его противная физиономия.

Дорога домой несколько успокоила меня. Подъезжая к Саратову, я уже с циничной усмешкой думала про себя, что, в конце концов, как говорят мои родители, все что ни делается – к лучшему. По крайней мере, теперь я могу похвастаться тем, что переспала с одним из самых красивых мужчин, каких я видела в своей жизни. И заниматься любовью с ним, скрепя сердце была вынуждена признать я, было несравненно приятнее, чем с Сережей.

Вернувшись на следующий день на работу в институт, с возмущением рассказала обо всем, что произошло в Москве моей подруге по институту, Танечке, которая была самой умной и спокойной девочкой, которую я знала.

– А почему ты не хочешь выйти за него замуж? – полюбопытствовала она, внимательно меня выслушав.

– Не хочу и все! – отрезала я, ничего ей не объясняя. – Не хочу!

– Насколько я поняла из твоего рассказа, этот парень не оставит тебя в покое, – возразила Танечка.

– Ну и что с того? Я к этому уже привыкла. Пусть себе тешится.

– Но как же быть с этим брачным контрактом? – спросила она.

– А никак, – махнула рукой я. Какой, к черту, брачный контракт в России девяностых! Тут все идет под нож, и люди не знают, проснутся ли они завтра или нет. – Просто забыть об этом. Не потащит ведь он меня в суд из-за невыполнения супружеских обязанностей?

Мы посмеялись и разошлись. Вскоре после этого началась сессия, и я благополучно забыло и о брачном контракте, и о самом Эгисе Ротенбурге.

Глава 6

Эгис позвонил мне домой в ночь на 1 января 1990 года для того, чтобы поздравить с Новым Годом.

– Много «хвостов» в институте, любимая? – его низкий, с хрипотцой голос звучал по обыкновению чарующе мягко.

– Не дождешься! – не осталась в долгу я. – Я, вообще-то, институт еще в июне закончила. С красным дипломом.

– Молодец, малышка. Приятно иметь красавицу жену с красным дипломом.

После обмена еще парой ехидных замечаний, он с некоторым замешательством, так не свойственным ему, произнес:

– Я звоню, чтобы предупредить тебя, любимая.

– О чем? – не поняла я.

Он некоторое время помолчал, а потом, тщательно подбирая слова, сказал:

– Дело в том, что после моего возвращения в Гамбург я в составе всей семьи присутствовал на рождественском сборище у моего немецкого деда. Ты, наверное, слышала, что когда-нибудь я унаследую его баронский титул?

– А что, такие еще существуют? – удивилась я.

– Еще как. Так вот, старый барон с самого начала нашего знакомства пару лет назад начал проявлять ко мне если не симпатию, то известный интерес, даже не ко мне лично, а к моей карьере, личной жизни и так далее. Он изучает, достоин ли я стать его наследником. Вопрос о моем наследовании пока остается спорным. У него есть племянник, которого он вырастил, как сына, и который, до нашего появления в Гамбурге, полагал, что именно он станет наследником. Так вот, на ужине у деда случайно выплыла история наших отношений, и деду захотелось побольше узнать о моей невесте. Он даже захотел просмотреть видеопленку, которую Ивар снимал в Москве. Когда он ее увидел, его чуть не хватил удар. Теперь слушай внимательно. Что бы ни случилось, кто бы тебе ни позвонил и что бы ни сказал, не пугайся.

Я оторопела.

– А чего мне пугаться?

– Мой дед воевал в России в 1942 году. На стороне фрицев, разумеется. Здесь он встретил свою будущую жену, русскую девушку, женился на ней и после войны увез в Германию. Он оправдан Нюрнберским трибуналом, никогда не был «наци», но это к делу не относится. Главное то, что ты – почти точная копия его покойной жены.

– Так она умерла? – глупо спросила я.

– Давно, – Эгис не терял терпения. – Но ты так похожа на нее, что с ним чуть инфаркт не случился. Теперь он хочет встретиться с тобой; и пани Изольда, мать Кристины, его какая-то там дальняя племянница, которая меня никогда не любила, всячески поощряет его. Еще неизвестно, чем все это кончится. Но ты не пугайся. Мой дед – очень упрямый человек, он может действительно прилететь в Россию, чтобы тебя увидеть. Он неплохой мужик, немного с приветом, но учти, ему почти 80 лет.

– Мне нужно с ним встретиться? – уточнила я, утомленная его многословностью.

– Как хочешь.

– Хорошо, поставим вопрос по-другому, – я, в свою очередь, тоже проявляла чудеса дипломатии. – Ты не хочешь, чтобы я с ним встречалась?

– Мне все равно. Только помни, пожалуйста, там, где вмешивается пани Изольда, всегда существует потенциальная угроза для меня. Она меня ненавидит. Постарайся не дать ей втянуть себя в какую-нибудь авантюру.

–Но она хорошо ко мне относится, – возразила я.

–Да, возможно, – он вздохнул и открыл карты, пояснив причину своего беспокойства. – дело в том, что племянник моего деда внешне похож на Зигмунта. Как родственник.

–Ты хочешь сказать, – начала я.

–Я ничего не хочу сказать, – перебил меня он. – Помни, что Зигмунт умер. Это печально, но это так. Никто другой не заменит тебе его.

Я собиралась было поломать голову над этой проблемой вечером, но оперативность пани Изольды не знала границ. Через час после звонка Эгиса мне позвонила она. Я внимательно выслушала все ее сбивчивые объяснения и тотчас же согласилась на встречу с дедушкой. Я решила, что встречусь с ним в тот самый момент, когда Эгис сказал, что его племянник похож на Зигмунта. Пани Изольда добавила, что Марк-Кристиан – это племянник и одновременно приемный сын и наследник огромного состояния барона.

–Он действительно похож на Зигмунта? – прямо спросила ее я.

Она помолчала, а потом ответила:

–Да, но очень немного. Внешне, это сходство не особо бросается в глаза, он старше моего сына, он зрелый мужчина, в то время как Зигмунт был всего лишь юношей, но по характеру они похожи куда больше. Я бы хотела, чтобы ты с ним познакомилась.

–Зачем? Чтобы позлить Эгиса? – вьедливо уточнила я, памятуя разговор с Эгисом и решив выяснить обстановку до конца.

–Я хочу, чтобы ты была счастлива, малышка, – даже по телефону я услышала, как дрогнул ее голос. – Он очень хороший и очень порядочный человек. А теперь слушай. Мы встретимся с бароном в Риге, у меня. Завтра утром я вылетаю в Саратов, заберу тебя, и мы полетим в Москву. Барон и Марк будут там по каким-то своим делам. Они нас встретят в аэропорту, и мы отправимся в Ригу на уикенд. Все билеты уже оплатил барон. В понедельник ты вернешься домой. Поняла?

–Да, – покладисто согласилась я, и тут же забросала ее вопросами. – А где мы встретимся с вами? Вы зайдете к нам в гости? Бабуля умерла, но мама будет очень рада вас видеть.

–К сожалению, я не смогу зайти к вам при всем желании, – отвечала пани Изольда. – Разница между двумя самолетами всего два часа. Встретимся в аэропорту, там и поговорим, пока будем ждать самолет. А теперь бери ручку и записывай...

Мы прилетели в Москву поздно ночью. На подсвеченном прожекторами летном поле, чуть в стороне от курса, каким вела нас к зданию аэропорта целеустремленная стюардесса, стояли два высоких мужчины. Их лица были в тени, четко выделялись лишь два силуэта – высокие, стройные, в темных плащах и шляпах. Прямо итальянская мафия, подумала я про себя, с педантичностью отметив, что для полного сходства им не хватало только белых носков и шарфов. Пани Изольда, которая начала оглядываться по сторонам сразу же, как мы покинули самолет, тут же с улыбкой направилась к ним. Мужчины тоже вышли из состояния неподвижности и неторопливо и размашисто зашагали нам навстречу. Они шли из полосы тени, мы – из освещенной полосы, в морозном воздухе поднимался парок от нашего дыхания. На границе тени они вышли на свет, и я увидела их ближе. Один из них был высокий сухощавый мужчина лет семидесяти, но его фигура казалась по-юношески стройной и подтянутой, другой – молодой мужчина лет тридцати пяти, гибкий, широкоплечий, но очень стройный, с шапкой густых блестящих темных волос, тронутых то ли инеем, то ли ранней сединой. В тот момент, когда я жадно всматривалась в лица обоих, неожиданный порыв ветра сбросил с моей головы капюшон теплой куртки. Под ней обычно не помещалась шапка, поэтому я предпочитала обходиться вообще без нее, набрасывая капюшон прямо на мои подобранные под него длинные, достававшие до пояса, волосы. В ту минуту ветер откинул капюшон с моей головы, волосы сразу же упали мне на плечи, их разметало во все стороны ветром, и я с изумлением

увидела, как вмиг застыли оживленные лица обоих мужчин. Они остановились как вкопанные, не сводя с меня глаз.

– О, мой бог! – неожиданно сказал старший из мужчин по-немецки и почти побежал нам навстречу. – О, мой бог! Алиция! Такого не бывает!

Добежав до меня, он схватил меня за плечи и впился глазами в лицо.

– Алиция! Дорогая моя! – в его голосе звучали восторг и благоговение.

Я изумленно хлопала глазами. Молодой человек, тем временем, тоже подошел к нам, не сводя с меня взгляда своих странных темно-синего цвета глаз.

– Гюнтер, ты ее напугал! – с упреком сказала пани Изольда, обращаясь к старому барону. – Я же предупредила тебя, да ты и сам видел ее фотографии.

– Фото – это одно, – живо возразил ей старший мужчина по-немецки. – Но она даже смотрит, как Алиция, удивляется, как она, у нее такое же выражение лица, глаз, оттенок волос, поворот головы!

– Ты еще не слышал ее голоса, – улыбнулась всегда такая выдержанная пани Изольда, – и не услышишь, если будешь продолжать в том же духе.

Она обернулась ко мне и сказала, поочередно указывая не каждого из мужчин:

– Познакомься, дружок. Этот разговорчивый дедушка – барон Гюнтер фон Ротенбург, а молодой человек, который еще и рта не раскрыл, его сын – Марк-Кристиан фон Ротенбург. А это, мои дорогие, Лена Замятина, невеста Вальдемара-Эгидиуса и лучшая маленькая подружка моего покойного сына.

Мужчины поочередно наклонили головы в безмолвном приветствии.

– Надень на голову капюшон, моя дорогая, а то эти двое так и будут стоять с открытыми ртами, и пойдемте в здание, что ли. Когда вылетает наш самолет?

– Наш самолет за твоей спиной, – весело сказал старый барон, глядя на меня. – Пойдемте, а то девочка действительно простудится. Марк, мы можем вылететь сию же минуту?

– Разумеется.

Старый барон подхватил меня под руку и, увлекая в сторону видневшихся на взлетном поле очертаний маленького изящного самолетика, проговорил:

– Прости меня, девочка, что я тебя так напугал. И спасибо тебе за то, что согласилась встретиться со мной. Когда я увидел твои фотографии у своего остзейского племянника, мне показалось, что я схожу с ума – ты очень похожа на мою покойную жену. Она была русская, умерла почти тридцать лет назад, и я очень ее любил.

– Пани Изольда говорила мне об этом, – наконец отважилась открыть рот я.

Он неожиданно улыбнулся.

– И голос тот же! Даже тот же самый акцент! Невероятно!

Всю дорогу до Риги, занявшую у нас около часа, он говорил, не умолкая. Рассказывал, как воевал в Великую Отечественную в России, как встретил и полюбил свою жену, тогда еще совсем молодую русскую девчонку, показывал мне ее фотографии. Вот тогда уже мне казалось, что я схожу с ума – с них на меня смотрело мое лицо, то более, то менее молодое, но мое; пожалуй, более тонкое и красивое лицо более уверенной в себе молодой женщины, но старый барон так не считал. Он был очень обаятельный мужчина, этот старый барон Гюнтер фон Ротенбург, и я не сомневалась, что в молодости он был очень привлекательным. Он и сейчас еще был красив – с четким профилем, темно-серыми живыми искристыми глазами, коротко подстриженной шевелюрой темно-каштановых, перемежающихся с серебром, волос. Он был из той породы людей, которые с первой же минуты неосознанно внушают к себе симпатию окружающих, и эта раз возникшая приязнь к ним способна сохраняться на годы, потому что первое впечатление не обманывает – они действительно и есть такие, какими предстают буквально с первой же минуты знакомства.

С его сыном, или племянником, было сложнее. Как только я его увидела, я поняла, что пани Изольда права – они с Зигмунтом близкие родственники. Думаю, что если бы Зигмунт дожил до его возраста, он выглядел бы примерно также. Несомненно, ни в какое сравнение с красавцем Эгисом Ротенбургом он не шел, но он покорило мое сердце с первого взгляда. Это произошло помимо моей воли, я посмотрела ему в лицо и поняла, что он – мужчина, которого я хотела бы получить для того, чтобы жить с ним в печали и в радости, в болезни и здравии, жить долго и счастливо и умереть в один день.

Он почти не смотрел на меня. Я помнила лишь первое мгновение, когда с моей головы упал капюшон моей куртки – его внезапно застывшее ошеломленное лицо с четким профилем греческого бога, изумленные, необычные темно-синие глаза, и то, что он был предельно вежлив со мной, вежлив до неприличия.

Сначала, когда в аэропорту в Риге мы садились в машину, чтобы доехать до дому пани Изольды, наши руки случайно соприкоснулись на ручке дверцы, он сразу же убрал свою и вежливо извинился. Затем, оказавшись в такси на заднем сиденье, в обществе меня и пани Изольды, он всякий раз, когда мы неизбежно соприкасались плечами с друг другом, что в такой тесноте вовсе не было событием экстраординарным или нарочитым, извинялся, не поднимая на меня глаз. Сразу же выяснилось, что он не говорит по-русски. Для сына, которого воспитывала русская мать, это казалось несколько странным.

– Марк прекрасно говорит по-английски, по-французски, знает польский, итальянский, испанский, немного португальский, финский, – пояснила мне пани Изольда.

–Полиглот, – пробормотала я по-русски, – который не знает языка своей матери!

–Ты несправедлива к нему, – с мягким укором заметила пани Изольда, переглядываясь со старым бароном.

–Мой немецкий в глубоком упадке, английский вообще в объеме курса средней школы, а мне было бы интересно поговорить с ним, – вздохнула я.

–У тебя вполне приличный немецкий, – утешила меня пани Изольда, вновь посмотрев на барона. – Просто, боюсь, Марк сейчас не расположен с тобой говорить. У него, видимо, нечто вроде культурного шока от встречи с тобой.

–Очень понятно, – упавшим голосом сказала я снова по-русски. – Мой бывший бойфренд тоже испытывает состояние культурного шока всякий раз, когда встречается со мной. И когда он выйдет из этого состояния? – помолчав, спросила я ее, имея в виду уже Марка-Кристиана.

–Всему свое время.

В рижскую квартиру пани Изольды мы добрались к середине дня.

Утомленные бессонной ночью, все сразу же разошлись по отведенным им комнатам, и лично я уснула в то же самый момент, как моя голова коснулась подушки. Проснулась я, когда солнце уже садилось. Пани Изольда мирно посапывала на диванчике напротив меня. Мне жутко хотелось пить. Я встала и прямо в спортивной майке, в которой спала, поплелась на кухню, чтобы глотнуть хоть капельку водички из-под крана. Не ожидая никого там встретить, я храбро открыла дверь и тут же увидела расположившегося за кухонным столом молодого барона фон Ротенбурга. Он был в брюках и светлом джемпере, его пиджак висел на спинке стула за его спиной.

Когда я, с длинными лохматыми белокурыми волосами, спускавшимися до середины спины, взъерошенная со сна, одетая лишь в майку, позаимствованную у моего брата лет пять назад, когда он был еще подростком, широкою, с рукавами до локтя и доходившую мне по длине до середины бедер, с надписью “I like America”, появилась на пороге, в его глазах явно отразилось замешательство, с оттенком того самого культурного шока, о котором мне так прочувственно рассказывала недавно пани Изольда. Но я так хотела пить, что совсем потеряла совесть. Вместо того, чтобы с тихим смущенным возгласом, как подобает порядочной девушке,

убежать обратно в комнату и там томиться от жажды, я попыталась что-то сказать в свое оправдание, продвигаясь со стаканом в руках к раковине.

– Я ужасно извиняюсь за свой вид, – не знаю уж, как прозвучала эта фраза по-английски, но сказать я хотела именно это.

– Не стоит беспокоиться, – тут же прозвучал его вежливый голос.

– Вот и славно! – пробормотала я себе под нос, открывая кран и набирая в стакан воды.

Как только я с наслаждением прильнула к стакану, меня остановил его возглас, уже на родном, произвольном, немецком:

– Что вы делаете? Эта вода для технических целей, у фрау Изольды нет очистителя! Ее нельзя пить!

– Неужели? – я успокоилась. – Да не смотрите вы так не меня, Марк-Кристиан, я всю жизнь пью такую воду и ничего, жива.

– Вы говорите точно, как моя мать.

– Я ведь и на нее похожа, не так ли? – я допила воду и, сполоснув стакан, поставила его в сушилку.

– Похожа – не то слово, – он, наконец, посмотрел на меня и жестом указал мне на стул, словно спрашивая, не хочу ли я присесть.

Я хотела. Он мне очень понравился. Поэтому я, недолго сумняшеся, села.

– Вам это неприятно?

Он задумчиво посмотрел на меня.

– Не могу сказать, – помедлив, ответил он.

Он предпочитал говорить по-немецки, видимо, мой немецкий все-таки звучал лучше, чем английский.

– «Неприятно», это слишком сильно сказано, – продолжал он. – Вы не просто похожи на мою мать, вы словно ее копия, я полагаю, что даже ее собственная дочь не могла бы быть так на нее похожа. Разве что сестра-близнец.

– Но вам все равно это неприятно, – заметила я, когда он умолк. – Это видно по вашим глазам.

Неожиданно он улыбнулся, и словно светлый луч скользнул по его лицу, зажег мягким светом его глаза, приоткрыв в улыбке белоснежную полоску зубов под четко очерченными губами.

– Не совсем так. Я обожал свою мать, и был убит горем, когда она умерла, мне было тогда двенадцать лет, – в его глазах промелькнула непонятная мне смесь грусти, сменившаяся почти мальчишеским лукавством: – Поэтому когда я увидел вас в аэропорту, мне захотелось по-ребячески схватить вас, и, как игрушку, спрятать, принести домой для того, чтобы владеть ею самому.

Я рассмеялась, но внезапно осеклась, поймав его странно изменившийся взгляд.

– Что случилось? – произвольно вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать.

– Вам придется часто извинять нас с отцом, – сказал он. – Вы словно ожившее через тридцать лет отражение моей матери. Иногда ваш жест, улыбка, смех, манера говорить словно обжигают. Это поразительное сходство и пугает и притягивает одновременно.

– Расскажите мне немного о вашей матери, Марк-Кристиан, – попросила я, поудобнее усаживаясь за стол напротив него. – Она умерла молодой?

– Ей было сорок шесть лет. Она была почти на десять лет моложе моего отца.

– Несчастный случай?

– Рак крови. Моя сестра, Каролина, умерла в тот же год от той же болезни.

– А вы?

– В моей крови не было этой заразы, – грустно улыбаясь, сказал он. – Я не ее родной сын. Но все это выяснилось лишь после ее смерти. Я – сын младшего брата отца вашего жениха, моя

мать умерла во время родов, отец погиб в автокатастрофе еще до моего рождения. Барон взял меня в свою семью после того как его жена, которую он очень любил, потеряла ребенка, после чего она больше не могла иметь детей. Баронесса всегда полагала, что я ее собственный сын.

– А когда об этом узнали вы? – внимательно выслушав его, спросила я.

– Два или три года назад, когда прибалтийские Ротенбурги, семья вашего жениха, вернулись в Пруссию и предъявили свои права наследования деду по праву старшинства.

– Как это? – не удержалась от вопроса я.

– Наследовать титул может только прямой потомок барона, – терпеливо пояснил мне он. – Но, поскольку у него нет живых детей, значит, титул переходит к его младшему брату Себастьяну, отцу вашего жениха, а от него – к его детям.

– А вы? – не поняла я.

– Я приемный сын, но я также имею права наследования титула после Себастьяна и его семьи. Долгое время считалось, что они погибли и утеряны для наследования, но... Впрочем, зачем вам это? Это все так сложно и неопределенно в настоящее время. Отец настаивает на сохранении титула лично для меня, но не для моих потомков, и эта тяжба в суде продолжается уже в течение нескольких лет.

Мне не пришло в голову ничего более умного, чем спросить:

– А у вас есть потомки? Я имею в виду дети, которым вы можете передать свой титул.

– Пока нет.

Кольца у него на пальце тоже не было, но это ничего не значило, тысячи женатых мужчин предпочитают не носить кольца.

– Вы женаты? – довольно нахально спросила я, и он совершенно спокойным тоном удовлетворил мое любопытство:

– Был женат. Много лет назад.

– Сколько же вам лет?

– В этом году будет сорок.

Я облегченно вздохнула, и мне показалось, что этот вздох не укрылся от него. Он чуть приметно улыбнулся и в свою очередь спросил:

– А вам?

– Будет двадцать три.

Он казался удивленным.

– Вы выглядите гораздо моложе.

– Ага! – поддакнула я. – Особенно когда забуду причесаться и натяну подростковую майку.

Мы еще смеялись, когда на кухню вышла пани Изольда в домашнем халате, плотно затянутом на талии. Когда она увидела нас, мирно беседующих за кухонным столом: меня, лохматую и в майке, и элегантного Марка-Кристиана, одетого со всей тщательностью истинного аристократа, – она всплеснула руками от возмущения:

– Иезус Крайст! Да что же это такое, в каком ты виде, девочка!

– Да я зашла только водички попить, – жалобно сказала я, проворно вскакивая со стула у стола и отходя к двери. – Мне, право, очень жаль...

Марк смотрел на меня, и его глаза смеялись.

За завтраком, или точнее, ужином, к которому поднялся и энергичный жизнерадостный старый барон Гюнтер, разговор, к его удовольствию, шел только о его жене. Выходя из-за стола, я случайно услышала реплики на английском, которыми обменялись старый барон и пани Изольда:

– Ты заметил, Гюнтер, они понравились друг другу, – негромко сказала пани Изольда.

– За Марка я не сомневался, – живо отвечал ей старый барон. – Он был готов отдать за нее жизнь, как только увидел!

–Ты не преувеличиваешь?

–Нет! У меня сейчас та же идиотская идея-фикс, что и у него: я лихорадочно думаю о том, каким образом нам ее удержать. Я просто не могу с ней расстаться. Это словно похоронить Алицию во второй раз. Как ты думаешь, может быть, мне предложить ей выйти за меня замуж?

–Ты с ума сошел! – вскричала пани Изольда.

–А что, фиктивный брак – это выход! – с живостью возразил ей барон. – Она будет рядом с нами, и этого достаточно.

–А ей?

–Но ты ведь говорила, что она не любит моего самодовольного племянника!

–Ты тоже ей не пара.

– А Марк? – спросил старый барон, бросив быстрый взгляд в мою сторону.

Пани Изольда тоже посмотрела в моем направлении, заставив меня отвернуться, но не закрыть уши. Я никогда не жаловалась на плохой слух.

– Вот Марк пусть и решает, – услышала я ее ответ.

– Он ей понравился? – не сдавался старый барон.

– Думаю, да, – отвечала ему пани Изольда.

– Если он сделает ей предложение, она согласится?

– Мне кажется, что да, – голос пани Изольды был полон неуверенности. – Но Марк женат.

– Ерунда! Они уже пятнадцать лет не живут вместе.

–Но развод не оформлен официально, – продолжала вяло возражать деятельному родственнику пани Изольда. – Это значит, что Марк жениться не может. И вообще, еще неизвестно, что он сам об этом думает.

–Не знаю уж, о чем он думает, но влип он на этот раз основательно, – с ехидцей заявил старый барон. – Ты только посмотри, как он на нее смотрит!

Заметив мой удивленный взгляд, они тут же прекратили свою семейную перебранку.

Глава 7

Наутро следующего дня, разделавшись с завтраком, мы все вчетвером отправились гулять по Риге. Было не очень холодно. Воспользовавшись тем, что почти никто не носил шапок, я тоже откинула капюшон своей куртки, темно-синей, из мокрого шелка, с седовато-синей опушкой меха на капюшоне. Мои светло-русые волосы, длинные, нарочито небрежно зачесанные на косой ряд, свободно ниспадали на спину и почти наполовину прикрывали правую часть моего лица. Мальчики и молодые мужчины на улице, как обычно, смотрели на меня и некоторые оборачивались вслед. Я улыбалась, и мне так хотелось выглядеть красивой, чтобы очаровать Марка, что я буквально чувствовала, как горят от легкого морозца мои щеки, блестят глаза и алеют чуть обветренные от долгих прогулок по ветреной погоде губы. Мы неторопливо шли по улицам и говорили, говорили, говорили. В основном мы со старым бароном. Марк-Кристиан помалкивал, хотя пани Изольда всячески пыталась развлечь его, время от времени останавливая всю компанию, чтобы рассказать об очередной городской достопримечательности. У меня было странное чувство.

Высокие, стройные, длинноногие и элегантные, хорошо одетые, со светлыми шарфами на шее, оттенявшим загар на их смуглых, с чеканными, почти итальянскими профилями лицах, оба с шапкой темных, прекрасно подстриженных волос, на которых, словно легкий снежок, поблескивала седина, старый барон и Марк казались мне скорее братьями, чем отцом и сыном. Необыкновенные, серо-стальные, почти серебристые глаза старого барона светились каким-то приглушенным мягким светом, его губы улыбались мне. По контрасту, Марк казался очень серьезен, но я была действительно счастлива в эти моменты, счастлива как никогда в жизни, за исключением подобных минут ощущения острого счастья от самого факта своего существования, которые испытали в детстве многие из нас.

Пробродив по городу до обеда, мы вернулись домой, поскольку пани Изольда настаивала на уютном домашнем столе и ее собственных кулинарных способностях. Я мило извинилась перед старым бароном и отправилась помогать ей на кухню. Когда полтора часа спустя на столе вместе с блюдами традиционной латышской кухни появились голубцы, секрет приготовления которых тщательно хранился в нашем семействе и передан мне по наследству от моей бабушки-хохлушки, барон и Марк, уже сидевшие за столом, переглянулись, а после того, как попробовали их, Марк положил вилку и нож на стол и взглянул на меня. Старый барон, опустив голову, молчал.

–Что случилось? – не поняла я. – Я пересолила?

–Хуже, – Марк смотрел на меня. – Это фирменное блюдо моей матери. Никогда раньше я не пробовал ничего подобного. Как тебе это удалось?

–Меня научила этому моя бабка! – сдерживаясь, чтобы не заорать от злости на это постоянное тыканье своей мамой, сказала я. – А ту, в свою очередь, учила ее мама! И вообще, это обычные голубцы, такие вся Россия готовит, не понимаю, что тут особенного! Только ваше воображение, может быть.

–Это не воображение, – поднял голову старый барон.

Всю ночь мы проговорили с ним о его жене. Он привез с собой целые тома альбомов с фотографиями. Они с баронессой в военном Городе, такие красивые и молодые, молодой барон был очень хорош собой и чем-то даже смахивал на Эгиса; затем – в послевоенном Гамбурге; на каких-то вечеринках; вместе с маленькой дочерью Каролиной, с малышом Марком; и везде, везде это красивое, с улыбкой на губах, но с какой-то непонятной грустью в глазах лицо баронессы (мое лицо!), которое скоро будет преследовать меня по ночам.

– Это не может быть простым совпадением, – говорил старый барон. – Поверь мне, деточка, таких совершенных совпадений не бывает. Я думаю, все дело в семье... Я хотел бы больше узнать о твоей бабушке, прабабушке, их семьях. Я намерен провести расследование.

– Боюсь, я не смогу вам помочь, – вздохнула я. – Две мировых, одна гражданская война и революция в России похоже начисто прикончили фамилии моих бабушек и дедушек. Я ничего не знаю о моих предках, за исключением того, что дед моей мамы был белый офицер, воевал против Советской власти, а затем сбежал за границу. С бабулей вообще полный провал. Знаю только, что во время гражданской войны или где-то в районе этого, может быть немного позже, ее семья эмигрировала с Украины на Волгу, частично – на юг, частично – в Саратов, потому что здесь были их родственники, и все. А, еще помню, мама рассказывала, что во время войны как-то ночью она застала бабулю за сжиганием в печке каких-то старых документов и фотографий.

– Имена, фамилии, – поспешно сказал старый барон, доставая блокнот. – Куда именно за границу сбежал твой прадедушка?

– Боюсь, что в Германию, – не удержалась от усмешки я. – По-крайней мере, мама в этом уверена, но доказать не может. Значит, придумывает, как говорит мой отец. Я думаю, что пани Изольда знает об этой части моей семьи лучше, чем я.

– Мы уже говорили с ней об этом, – отмахнулся барон. – Что-нибудь о семье твоей бабушки? Откуда именно из Украины они приехали?

– Не знаю.

– Как это не знаешь? – удивился он.

– Бабушка не говорила, да она, по-моему, сама не помнит, она была еще девчонкой. Она с 1913 г, была самым младшим ребенком в семье.

– Пять-шесть лет, – задумчиво проговорил барон. – Где-нибудь еще у них родственники были?

– В Ленинграде, по-моему, была какая-то родня со стороны бабулиной мамы.

– Сколько детей было в семье?

– Точно не помню. Знаю только одну ее сестру, которая так и живет где-то в деревне под Саратовом, ее старший брат умер, вроде бы была еще сестра, но я не знаю наверняка.

– Кто был самый младший? – задал странный вопрос он.

– Одна из бабулиных кузин. Ее родители погибли или что-то в этом роде, и две девочки, тетя Маруся и ее младшая кузина, жили в семье бабули и последовали за ними в Саратов. Тетя Маруся с того же года, что и бабуля, после второй мировой они с мужем вернулись на Украину, живут в Харькове. А ее младшая кузина то ли потерялась во время переезда, то ли ее забрали потом другие родственники, не помню.

Я так увлеклась семейными преданиями, что не заметила, что в блокнотике уже черкает что-то Марк, а дедуля напряженно смотрит на меня.

– Как звали эту девочку?

– Я не знаю. Бабуля только помнит, что она была такая беленькая и хорошенькая, как куколка, и она ее очень любила, всегда с ней нянчилась и плакала, когда она потерялась. Бабуля всегда говорила, что я похожа на эту ее маленькую сестричку: в их родне все чернявые, а тетя Маруся, эта малышка и я – светленькие. Больше блондинов в семье нет.

– Ты знаешь адрес этой тети Маруси в Харькове? – неожиданно спросила меня пани Изольда.

Я думала, она уже давно спит.

– Он записан где-то у мамы в книжке. Я могу найти его для вас, когда вернусь домой.

На этом мы и закончили выяснение моих семейных связей, поскольку историк из меня по профессии, может быть, и неплохой, но о своей семье я знаю до постыдного мало: родителей это в свое время не интересовало, а к тому времени, как подросла я, все дедушки-бабушки уже обрели вечный покой.

Напоследок старый барон предложил мне взять на память несколько фотографий его жены или переснять их тут же, в Риге, но я отказалась. Меня страшила сама мысль о том, что фотография этой незнакомой женщины с моим лицом, умершей тридцать лет назад, будет лежать в моей сумочке, словно мне предлагали нарвать цветов со своей собственной могилы. Зато я выбрала две фотографии барона: одну, совсем еще мальчика, в военной форме, красивого, с улыбкой, чем-то похожей на улыбку Эгиса; а другую – военную, в эсесовском офицерском мундире с оборванными погонами, с выражением холодного достоинства на красивом лице, которое унаследовал от него Эгис Ротенбург. Пани Изольда только покачала головой, когда увидела выбранные мной фотографии, но ничего не сказала.

Однако всему на свете приходит конец.

Пришел он и нашему уикенду в Риге. Барон был вынужден вернуться по делам в Гамбург, где у него имелся его родовой замок плюс солидное промышленное дело, а Марк-Кристиан, как верный рыцарь своей покойной матери взялся доставить меня домой. Он посадил свой маленький изящный самолетик в аэропорту Москвы и отправился добиваться разрешения сесть в Саратове, но из этого ничего не вышло. Расстроенный, он вернулся обратно с билетом Аэрофлота на рейс Москва – Саратов.

– Мы еще увидимся, – сказал он на прощание. – Мы обязательно увидимся! Не забывай, летом я обещал показать тебе Померанию, мы изъездим Германию вдоль и поперек! Ты приедешь к нам в гости?

– Непременно.

Я, не отрываясь, смотрела ему в лицо. Он стоял в двух шагах от меня, все такой же неотразимый и элегантный даже в темной пилотской куртке, с непокрытой головой. Пока мы говорили, он держал мою руку в своих руках, а потом вдруг прижал мою ладонь к своей щеке.

– Обещай мне одну вещь, – его слова были четкими и быстрыми.

– Да?

– Не торопись выходить замуж за Эгиса Ротенбурга.

– Почему?

Мне нравилось ставить его в такое щекотливое положение, я просто умираю от желания услышать с его уст слова о том, что он сам влюблен в меня и хотел бы быть со мной. Но этого не произошло.

– Что бы ни случилось, – только и сказал он. – Помни, что я всегда готов помочь тебе, ты можешь рассчитывать на меня, целиком и полностью.

Помолчав, я нашла в себе силы сдержанно полюбопытствовать:

– И до какой же степени простирается это целиком и полностью, Марк?

– Не понял, – недоумение прозвучало в его голосе.

– Хорошо, – согласилась я. – Я поясню. Допустим, если для того, чтобы мне помочь, я попрошу тебя на мне жениться, ты сделаешь это?

– Нет, – помедлив, сказал он.

– Ага. Значит, это целиком и полностью имеет какие-то ограничения?

– Я, как ты знаешь, все еще женат.

– Хорошо. Я буду иметь это в виду. В любом случае, спасибо.

Починяясь минутному порыву, не давая ему опомниться, я обхватила руками его плечи, прижалась губами к его губам, и на миг с холодком восторга, поднявшимся изнутри меня, ощутила запах его кожи, вкус его губ. Он даже не пошевелился, хотя я чувствовала, что он весь напрягся, как струна. Мне так хотелось получить от него на прощание поцелуй! Но не могла же я его заставить, в самом деле! Мне оставалось лишь с дурацким видом пролепетать извинение, глупое, банальное, или сделать вид, что это был всего лишь дружеский жест. Бог явно обделил меня умом – я не могла справиться даже с влюбленными в меня по уши мужчинами. Что уж тут говорить о Марке. Бароне Марке-Кристиане фон Ротенбург.

Я вежливо попрощалась с ним, и, помахав ему на прощание, не оборачиваясь, пошла к стойке регистрации, глотая горькие слезы обиды и разочарования. Но когда я уже готова была присоединиться к очереди пассажиров и мысленно навсегда простилась с ним, я услышала, как он окликнул меня по имени. Я не обернулась, а продолжала стоять, как манекен, пока он, запыхавшись, не приблизился ко мне, выдернул меня из очереди, развернул к себе и стал поцелуями снимать катившиеся по моему лицу слезы, а потом так сильно сжал в объятьях, что мне на секунду показалось, что мои кости слиплись воедино. Я не понимала слов, которые он торопливо говорил по-немецки, я чувствовала только его дыхание на своих губах, его крепкие руки, и мне хотелось, чтобы это продолжалось вечно.

Но мне надо было лететь домой. И я улетела.

Глава 8

Неделю после этого я не могла прийти в себя. Бродила, как потерянная, по комнатам квартиры родителей, ходила на лекции, в перерывах гуляла с подружками по нашему Ботаническому саду, примыкавшему к университету, ходила в кино с Сережей, а ложась ночью спать, все время думала о Марке. Передо мной стояло его лицо, когда он улыбался, был грустен, когда он смеялся, или хмурился, когда он целовал меня, или внимательно смотрел на меня, когда, по его мнению, я этого не замечала. Моя верная Танечка, видя, что со мной творится что-то неладное, зазвала меня в гости, мы с ней, как полагается, выпили, закусили, и я облегчила свою душу. После этого мне стало как-то веселее.

Дальше события покатались нарастающей лавиной. В понедельник, через три дня после этого, придя домой из института, я увидела у подъезда машину Павлика, брата Ксении. Сам он пил чай в обществе моей мамы. Заметив меня, он отставил чашку, сказал маме спасибо и без долгих разговоров усадил меня в свой старенький «жигуленок».

– Где тебя только черти носят, – ворчливо сказал он, включая зажигание. – Марк уже два часа ждет тебя в аэропорту, у него самолет скоро.

У меня отпала челюсть.

– Марк? Ты уверен?

– Несмотря на обилие твоих кавалеров, – ехидно сказал он, – я пока еще помню их в лицо. Если я говорю Марк, значит, это Марк. Эгиса бы я назвал Эгисом.

– Тогда какого черта ты стоишь? Поехали скорее! – не удержалась от восклицания я.

Он коротко хмыкнул и погнал по оживленным в этот час «пик» вечерним улицам Саратова. В аэропорт мы приехали часов в семь. Я на ходу, пока мы несколько минут стояли в «пробке» на окраине города, позвонила домой маме, чтобы она не беспокоилась обо мне, нагло наврав, что мы с Павлом и Ксеньей у них дома решаем некие наши общие проблемы, а потом – Ксене, чтобы в случае чего она прикрыла меня. Возле нового здания валютной гостиницы в аэропорту Павел остановился, вылез из машины, помог выбраться из машины мне, и схватив меня за руку, побежал по ступеням лестницы к входным дверям. Стеклопакеты дверей раскрылись перед нами автоматически. Павел на ходу сунул пару долларовых банкнот охраннику и вытянул шею, разглядывая людей в холле.

Но я раньше него заметила высокую стройную фигуру молодого барона фон Ротенбурга, который в сопровождении средних лет поджарого мужчины довольно приятной наружности, спускался по широкой лестнице в холл. Он словно почувствовал мой взгляд, его глаза скользнули по толпящимся в холле людям и остановились на мне. У меня так застучало сердце, что я не слышала, что мне говорил Павел. Я смотрела на Марка и умирала от желания броситься ему навстречу и оказаться в его объятиях, но в то же время не знала, как мне себя вести, чтобы не поставить его в неудобное положение. Мои глаза кричали ему о том, как я рада его видеть, и в то же время спрашивали его, что мне делать.

И вдруг он улыбнулся. Он улыбается точно как Зигмунт. Ни у кого на свете я не видела такой обаятельной, такой милой улыбки, она как солнечный лучик скользит по его лицу и освещает все вокруг. Он улыбнулся и, сказав что-то мужчине рядом с ним, оставил его и стал быстро спускаться по лестнице нам навстречу. Тогда я тоже, что-то пролепетав Павлу, быстро пошла через холл ему навстречу, а потом, не удержавшись, чуть ли не побежала к нему. Оставив позади лестницу, барон Марк фон Ротенбург тоже, как влюбленный мальчишка, припустил мне навстречу. Мы встретились где-то посередине холла, он подхватил меня на руки, смотрел в лицо и смеялся от радости, а потом, осторожно поцеловав висок, вновь опустил на пол.

За это время его коллега, также успевший пересечь холл, остановился неподалеку, вежливо отведя глаза в сторону.

– Франц, – подозвал его Марк, а когда тот подошел, вместо того, чтобы представить меня, лукаво спросил: – Как ты думаешь, кто это?

– Твоя бывшая жена, – немедленно ответил тот, кого он назвал Францем. – Я видел ее портрет в замке, ее фотографию у тебя на столе и, право слово, не понимаю причин твоего развода.

– Бедный Франц, – барон одной рукой прижал меня к себе.

Но тот уже сам понял, что ляпнул глупость. Нахмутив брови, он настороженно смотрел на меня, словно стараясь что-то вспомнить.

– Ах да, мне говорили, что в замке висит портрет твоей матери? – наконец, неуверенно сказал он. – Черт побери, не хочешь ли ты сказать, что это твоя мать?

Я засмеялась. Тогда Марк представил нас официально.

– Елена, это мой друг и однокурсник по Сорбонне, а теперь и мой адвокат Франц Граазе. А это Елена Замятина, тень моей покойной матери.

– Я заработаю с ним сердечный приступ! – пожаловался мне в ответ Франц. – Ну разве можно так шутить?

Мы забрали Павла и все вчетвером отправились в ресторан, чтобы, по выражению Франца, отметить наше знакомство. После того, как Павел и Франц, посидев немного с нами, тактично сослались на какие-то важные дела и поспешили ретироваться, мы с Марком остались одни.

Некоторое время мы сидели и в молчании смотрели друг на друга.

– Я очень скучал по тебе, – сказал, наконец, Марк.

– Я тоже, – тихо ответила я.

Он немного помедлил, а затем сказал:

– Надеюсь, ты в курсе, что я профессиональный юрист. И именно как юриста отец просил меня разобраться с этим, – Марк положил передо мной папку с подколотыми листами, на которых красовалась немецкая готическая пропись и гербовая печать. – Это копия твоего брачного контракта с Эгисом фон Ротенбургом.

– Правда? – спросила я, глядя только ему в лицо и даже не взглянув на бумаги, которые он мне предлагал.

– Отец просил меня рассмотреть законность этого документа, а также выяснить, хочешь ли ты расторгнуть этот контракт.

Он говорил одно, в то время как его глаза, выражение его лица кричали о другом. Мы просто поддерживали нить разговора, стараясь противостоять той мощной силе, которая влекла нас друг к другу, и которой мы оба, обоженные предшествующим неудачным жизненным опытом, боялись поддаться. По крайней мере, я чувствовала себя именно так. За него мне в тот момент было трудно ручаться.

– Что же вы скажете как юрист, Марк? – одними губами спросила я.

– Документ не соответствует всем установленным правилам, – медленно, глядя на меня, отвечал он. – Возможно, он приемлем для России, но будет довольно просто опротестовать его и расторгнуть этот брак в Германии. По твоему желанию, Елена. Это то, что я могу сказать как юрист.

Он немного помедлил, прежде чем завершить:

– Но, помимо этого, я еще мужчина, который влюблен. Мой развод состоится через полгода, 15 мая. Это формальная процедура. Мы не живем вместе уже почти двадцать лет, она получит хорошее содержание, она согласна со всем. Так что никаких затруднений не будет... Могу ли я, – его темно-синие глаза сузились, и я видела только их блеск из-под полуопущенных длинных темных ресниц. – Могу ли я узнать у фройлян одну вещь?

– Можете, – милостиво согласилась я, толком не понимая, чего мне от него ожидать.

– Могу ли я рассчитывать, что фройляйн пойдет со мной к алтарю шестнадцатого мая? – вскинул на меня глаза он.

Меня захлестнула такая огромная волна радости и бесконечного слепящего счастья, что у меня на глазах выступили слезы.

– Ты плачешь? – смахнув с ресниц предательскую влагу, я увидела его обеспокоенное лицо.

– Нет. Просто до шестнадцатого мая еще так далеко! – ляпнула я первое, что пришло мне в голову.

У него было такое выражение лица, словно он сейчас вскочит и снова схватит меня в объятия.

– Ты согласна? – осторожно спросил он, видимо, не совсем понимая, что от меня ожидать.

– Да! – выпалила я. – Но, Марк, – я сделала паузу. – Скажи мне честно, почему ты решил на мне жениться? Потому что я похожа на твою мать? Или потому, что барон попросил тебя сделать это?

– И это тоже, – согласился он с последним. – Но, в основном, потому, что я влюбился. Влюбился, может быть, первый и последний раз в моей жизни. Я люблю тебя, Элена.

Несмотря на то, что мое сердце дрожало от радости как заячий хвост, я старалась оставаться реалисткой. Перестройка, знаете ли, научила даже самых молодых из нас, скажем так, здоровому скептицизму.

– У меня есть подруга, – задумчиво сказала я, искоса взглянув на него, – которая говорит, что когда она слышит подобного рода заявления, ей всегда хочется громко спросить: что вы имеете в виду?

– Я хочу, чтобы ты была рядом со мной, каждый день, каждую ночь, – глядя мне в глаза, тихо проговорил Марк. – Я хочу возвращаться к тебе по вечерам после долгого дня, и чувствовать тепло твоего тела и запах твоих волос каждое утро, я хочу спать с тобой в постели каждую ночь и иметь твоих детей, хочу вместе с тобой растить сыновей, хочу заботиться и любить вас на протяжении того остатка жизни, который мне отпущен. Я слишком стар для того, чтобы не осознавать, что ты – та женщина, которую я хочу, которая мне нужна, я искал тебя долгие годы, и я не могу сейчас тебя потерять. Я много ошибался в жизни и никогда не думал, что снова окажусь за этим столом рулетки чувств и снова смогу поставить свое счастье на кон.

– Ты мне очень нравишься, Марк, – вздохнула я, – но я тоже боюсь, боюсь разочарований...

Мы сидели в уютном зале с притушенным светом, смотрели друг другу в глаза, говорили какие-то глупые, нелепые вещи, я пила свою «фанту», он – вино, до тех пор, пока бдительный, но очень тактичный Франц не пробрался к нашему столику и не прошептал извиняющимся тоном, что самолет на Гамбург уже заканчивает регистрацию пассажиров. Только тогда Марк очнулся и, открыв свой дипломат, выложил на столик пакет с документами и деньгами.

– Что это? – удивилась я.

– Здесь туристическая путевка во Францию для тебя и билеты на самолет. Ты ведь не откажешься провести со мной пару недель во Франции? Я покажу тебе Париж! Недалеко от Парижа, в Рамбуэе, у меня маленький уютный дом, в котором я обычно живу. У тебя есть загранпаспорт?

– Конечно, нет! Откуда? – удивилась я.

Он бледно усмехнулся.

– Эгис женился на тебе, но не сделал тебе загранпаспорт? Очень в его духе. Тебе потребуется около месяца, чтобы сделать паспорт по официальным каналам, я узнавал. Но, если ты поедешь в Москву, а лететь в Париж все равно придется из Москвы, то вот визитная карточка турагентства, которое сделает для тебя паспорт за неделю.

Передо мной на столик поверх пакета с туристической путевкой и деньгами легла визитная карточка московского туристического агентства. Поскольку я растерянно молчала, боясь поверить в такую удачу, он заглянул мне в лицо и обеспокоенно спросил:

–Ты приедешь?

–Да, конечно, – пробормотала я, слишком ошеломленная быстро разворачивающимися событиями этого вечера.

И я действительно поехала. Через две недели я уже была с ним в Париже. Он встретил меня в аэропорту Орли, радостный, как мальчишка, одетый в джинсы, темный свитер и черную кожаную куртку. В руках у него был мотоциклетный шлем с затененными стеклами, похожий скорее на шлем инопланетянина, чем на шлем тех моделей мотоциклетных шлемов, которые мне приходилось видеть у наших мальчиков. Он с ветерком провез меня по набережной Сены на своем Харлее Дэвидсоне. Забросив мой нехитрый багаж в гостиницу, выходящую окнами на Елисейские поля, мы почти пять часов пробродили по весеннему Парижу, поднялись на Эйфелеву башню, побывали в соборе Парижской Богоматери, в известном соборе крестоносцев Сакрекэр, потом пообедали на Монмартре. Я чувствовала себя словно окунувшейся в сказку – все это было так нереально и прекрасно, как будто сбывались мои детские мечты.

Этьен, немолодой художник с Монмартра, один из знакомых Марка в Париже, пригласил нас после обеда в свою студию, и буквально за несколько минут нарисовал мой портрет, на котором я снова была удивительно похожа на покойную баронессу.

–Вы знали мать Марка, Этьен? – воспользовавшись тем, что Марк на минуту вышел, спросила я Этьена.

–Да, конечно, – мягко сказал молодой человек. – Я сделал тот портрет, который висит в большом холле, а также портрет для спальни баронессы.

–Я действительно так на нее похожа? – упавшим голосом спросила я, разглядывая свое изображение на мольберте.

–Просто поразительно, – серьезно сказал художник. – Но только внешне, Элен. Внутри вы совсем другая.

–Какая другая?

–Более уязвимая, что ли? – подумав, сказал Этьен. – Не такая уверенная, как покойная баронесса. Но вы еще совсем молоды, Элен. У вас еще впереди. Обещайте приехать ко мне в Париж чет через пять, я хотел бы посмотреть, как расцветет ваша необыкновенная красота.

–Не могу вам этого обещать, Этьен, – вздохнула я, отчего-то очень польщенная его нехитрым комплиментом. – Вы ведь знаете, что я из России?

–Вы не останетесь в России надолго, – тонко улыбнулся мне художник. – Насколько я понимаю, вы привлекли внимание клана Ротенбургов. Вы выйдете замуж за одного из них, прежде чем успеете опомниться, поверьте мне на слово, милая Элен. Я хорошо знаю отца Марка и его самого.

На следующий день с самого утра Марк повел меня по магазинам. Причем, не просто по магазинам, а по дорогим бутикам на Елисейских полях и Марсовом поле, бутикам известных дизайнеров, имена которых до этого я видела только в газетных статьях. Он сметал для меня одежду с прилавков со щедростью дореволюционного купца. После первого стресса, случившегося со мной, когда я увидела один из ценников, я просто зажмурила глаза и даже не пыталась протестовать. При моей студенческой стройности, мне подходило буквально все, продавцы только цокали языками и наперебой твердили, что такую мадмуазель просто приятно одевать.

Под конец мы забрели в один из огромных универсальных дизайнерских магазинов, где Марк задался целью представить меня известному итальянскому модельеру, у которого всегда одевалась его мать. Известный модельер, имя которого я по своей советской бедности даже и не слышала до сих пор, оказался чрезвычайно худым, мелким стариком, одетым в непримет-

ные, висящие на нем мешком фирменные тряпки. Он бегло оглядел меня со всех сторон, потом повернулся к Марку и они оживленно начали говорить по-итальянски. Модельер мелодраматично повышал и понижал голос и бурно жестикулировал.

Наконец, Марк с несколько изумленным видом обернулся ко мне, намереваясь мне что-то сказать. Однако маленький дизайнер оказался более проворным.

–Мадмуазель, – галантно сказал он мне по-немецки, – у меня есть одно вечернее платье, полный эксклюзив, которое, я считаю, очень подойдет вам. Я готов продать эту модель для вас вашему жениху и моему другу на одном простом условии.

Он остановился и, прищурившись, вновь оценивающе посмотрел на меня.

–Что же это за условие, мэтр? – спросила я, забавляясь, внезапно вспомнив, как называли дизайнеров в модных журналах.

Глаза модельера еще больше прищурились.

–Через несколько минут в демонстрационном зале начнется новый показ моделей. Я хочу, чтобы вышли на подиум в этом платье и представили его. После этого платье ваше.

–Но я не манекенщица! – удивленно возразила я. – Вы уверены, что хотите выпустить меня на подиум?

–Вы умеете ходить на каблуках? – спросил маленький человек, покосившись на почти пятнадцатисантиметровые шпильки, которые были на мне.

–Допустим, – осторожно согласилась я.

–Это самое главное, – провозгласил модельер. – Пойдемте, я покажу вам платье. Вы не сможете отказаться, когда увидите его! Пойдемте, пойдемте.

Платье было великолепным. Темно-вишневого цвета, переливающееся всеми оттенками, с низким вырезом спереди и обнажающее половину спины сзади, оно смотрелось таким дорогим и таким элегантным, что даже сам маленький мэтр на минуту замер от восторга своим творением. Затем он повернулся к Марку.

–Смотрите, Ротенбург. Это платье создано для нее! Даже ваша мать не выглядела бы в нем лучше! Мадмуазель, вы согласны?

Я нежно погладила мягкую ткань платья и подняла взгляд на Марка. В его глазах светилось восхищение и что-то еще, что вызвало у меня тянущую боль где-то внизу живота.

Маленький модельер оценил наш обмен взглядами, как согласие. Он хлопнул в ладоши и в тот же момент меня окружила целая армия стилистов. Они увлекли меня в гримерную, усадили в кресло перед зеркалом и стали быстрыми, профессиональными движениями наносить на мое лицо макияж и укладывать мои волосы. Затем меня обули в шпильки на высоченных каблуках и, даже не дав мне посмотреть на себя в зеркало, подтолкнули к занавесу, возле которого уже толпилась куча высоченных девиц манекенской наружности. При виде меня в сопровождении мэтра, толпа расступилась, давая нам пройти, и по ее рядам прошелестел, как ветер, шепоток:

–Молодая баронесса фон Ротенбург! Смотрите, и Марк Ротенбург тут!

–Я не знаю, что делать! – в панике прошептала я маленькому модельеру.

–Это просто! – отмахнулся он. – Сейчас увидишь «язык», иди по нему до конца, выпрями спину, подними голову, постарайся не спотыкнуться. Дойдешь до конца, взгляни в зал, повернись и шагай назад. Все! Не бойся, свет слишком силен, чтобы ты смогла разглядеть кого-нибудь в зале. Это совершенно безопасно, поверь мне. По моему подиуму несколько раз ходила сама Алиция фон Ротенбург! У нее была такая же идеальная фигура, как у тебя. Вперед, моя дорогая!

Он вытолкнул меня на подиум.словно во сне, я прошла первые несколько метров, купаясь в яркой подсветке прожекторов и с изумлением осознавая, как легко и приятно вот так идти вперед по яркой дорожке света, словно парить в воздухе, когда на тебе красивое платье и на тебя в восхищении смотрит мужчина, любовь которого ты так мечтаешь получить. Дойдя до

конца подиума, я, как учил меня маленький модельер, подняла голову, взглянула в зал, улыбнулась, повернулась на каблуках и, раскованно покачиваясь на высоких шпильках (спасибо вам, советское детство и юность!), неторопливо пошла назад.

Зайдя за занавес, я буквально натолкнулась на Марка фон Ротенбурга.

Теперь, когда я была на высоких каблуках, мне не надо было так сильно задирать голову, чтобы смотреть ему прямо в лицо. Сейчас в его глазах светились восхищение и безумное желание. Он безмолвно подхватил меня на руки и понес к выходу.

–Ротенбург! – со смехом закричал ему вслед маленький дизайнер под веселые возгласы и улюлюканье остальных. – Я дарю вам это платье при условии, что я буду тем, кто сошьет ей свадебный наряд!

Вторую ночь в Париже я провела в постели молодого барона фон Ротенбурга. Кажется, первый раз в жизни я действительно и безоглядно влюбилась.

На следующее утро, когда мы по обыкновению завтракали на Монмартре, подсевший к нашему столику Этьен протянул мне ручку и красочно оформленную утреннюю газету, посвященную миру моды. На второй странице красовалась моя фотография в темно-вишневом вечернем платье на подиуме во время показа мод известного итальянского дизайнера.

–С такими темпами вы скоро станете знаменитой, Элен, – улыбнулся Этьен. – Я хочу, чтобы вы подписали эту фотографию мне на память. В чем дело, Марк? – спросил он, видя, что молодой барон нахмурился.

–Мне совсем не нужно лишнее паблсити, – коротко пояснил Марк. – Это может вызвать нежелательные разговоры и повредить мне во время бракоразводного процесса. Я не хочу рисковать. Аделина непредсказуема.

–Она все равно отберет у тебя пару миллионов, – рассудительно заметил Этьен. – Накинешь еще один, и дело в шляпе. Эта женщина любит деньги больше всего на свете. Она не откажется от них ради сомнительного удовольствия навредить личной жизни барона фон Ротенбурга.

Марк вздохнул.

– Конечно, ты прав. Но все равно, сегодня же вечером мы уезжаем в Рамбуйе.

–Да уж, – со смешком согласился Этьен. – После того, как ты совершенно неумышленно, но, тем не менее, с блеском продемонстрировал Элен всему Парижу, вам действительно лучше скрыться. Иначе папарацци не дадут вам прохода. Она слишком необычна и эффектна. В вас есть шарм, моя дорогая Элен, – повернулся ко мне он. – Если бы я не знал, что вы русская, я бы принял вас за парижанку.

Мы провели две восхитительные недели в Рамбуйе, несколько раз наведываясь в Париж для того, чтобы посетить представление в Мулен Руж, о котором я столько слышала и столько читала. Из всех прочих достопримечательностей я выбрала Лувр и Версаль, и была поражена, что знаменитый дворец короля-солнца показался мне небольшим по сравнению с Петергофом. Все остальное время мы бродили по окрестностям Рамбуйе, несколько раз устраивали пикники, катались на лодке, Марк учил меня ездить верхом. Каждый день мы возвращались в его маленький загородный дом, состоявший из пяти комнат, только глубоким вечером, зажигали камин, приводили себя в порядок, наскоро перекусывали, включали телевизор и, растянувшись на пушистом персидском ковре, поверх которого лежали шкуры белых медведей, долго и с упоением занимались любовью. Когда камин догорал, Марк брал меня на руки и относил в кровать. Я была счастлива, как никогда в жизни. Хмель первой чувственной любви, очарование восхищения и желания, которое светилось каждый раз в глазах Марка при взгляде на меня, кружили мне голову, как крепкое и терпкое красное французское вино. Две недели пролетели, как один миг.

В начале апреля я снова стояла в аэропорту Орли. Марк донес до стойки регистрации мой чемодан, а потом долго не мог выпустить меня из объятий, когда мне настало время идти на посадку.

– Я буду звонить тебе каждый день, – в последний раз коснувшись моих губ быстрым поцелуем, пробормотал он. – Пожалуйста, не делай никаких резких движений. Если у тебя будут проблемы с Эгисом, немедленно дай знать мне или отцу. Завтра я уезжаю во Франкфурт, чтобы поговорить с отцом. Через несколько недель ты сможешь присоединиться к нам в Германии по туристической визе, как мы сделали во Франции. Надеюсь, у меня хватит сил пережить эти несколько недель без тебя.

Глава 9

Улетая из Парижа, я была уверена, что скоро снова увижу Марка. Но, по обыкновению, несколько недель растянулись на месяцы. Марк действительно звонил мне каждый день, до тех пор, пока он не сообщил, что ему на несколько дней придется лететь в Канаду.

Наступил май и, словно издеваясь над нашими планами, события бурно вырвались из-под контроля. В начале мая я узнала, что у меня будет ребенок, ребенок Марка, который, по-видимому, был зачат мной во время той восхитительной недели в Рамбуйе. В первый момент я была так ошеломлена этим открытием, что не знала, хорошо это или плохо, говорить мне об этом ему сейчас или нет. В конце концов, я решила подождать до его развода. Честно говоря, у меня была безумная мысль о том, что может быть, врачиха ошиблась и через неделю или две все выяснится, и мы вместе с ней посмеемся над этим.

15 мая был рабочий день. Я вся извелась от нетерпения, наконец, часов в восемь вечера позвонил Марк.

– У меня плохие новости, дорогая, – устало сказал он. – Нас не развели.

Мне показалось, что потолок медленно закружился у меня над головой.

– Элен! – окликнул меня он, обеспокоенный моим молчанием.

– Почему? – нашла в себе силы спросить я. – Ведь это было верное дело? Твой адвокат, да и ты сам говорил, что в таком случае, как у тебя, проблем с разводом не будет. Это лишь простая формальность.

В трубке установилось недолгое молчание.

– Мы не учли колоссальных возможностей твоего потенциального мужа, – наконец, несколько отстраненно объяснил Марк.

– Моего потенциального мужа? – тупо переспросила я. – Это кого же?

– Эгиса Ротенбурга.

– Он мне не муж! – возмутилась я. – Что еще он сделал? Что-то я давно от него ничего не слышала!

Марк вздохнул и все тем же усталым и отстраненным, как будто бы даже ставшим безжизненным, голосом ответил:

– Он подговорил Аделину, и она заявила на суде, что она беременна от меня и не хочет разводиться. Мой адвокат обвинил ее во лжи, но суд был отложен до выяснения обстоятельств.

– Боже мой! – я была на грани истерики, подумать только, эта женщина словно издевалась надо мной, объявив о своей беременности от Марка, в то время, как, на самом деле, беременна была я. – Что же теперь будет?

– Ничего страшного, – его голос стал спокоен. – Это чисто временная задержка. За лето, естественно, ничего не решится, в конце августа состоится экспертиза. И только после этого будет новый процесс, на котором нас разведут. Только и всего. Правда, нам с тобой придется подождать. Но это не самое страшное, дорогая. Я сделаю тебе гостевое приглашение на полгода, и мы проведем их вместе в Германии.

Он помолчал.

Я тоже молчала. Что, собственно, было говорить?

– Элен, ты слушаешь меня? – прервал затянувшуюся паузу он. – Алло!

– Да, Марк, я слышу, – поспешила подать голос я. – Я просто задумалась.

– Нет никаких причин для отчаянья, милая моя, – его голос смягчился. – Смотри на это только как на временные трудности, которые, как утверждают, только на пользу серьезному чувству. Я люблю тебя и добьюсь того, чтобы мы были вместе.

– Марк, у меня есть вопрос к тебе, как к адвокату, – заявила я, несколько бесцеремонно прервав его, потому что отчаянно при этом трусила. – Можно?

– Я слушаю.

– Представь себе, что если бы то время, которое мы провели с тобой в Рамбуэе, имело, ну скажем, некоторые последствия...

– Что ты хочешь этим сказать? – быстро перебил меня он.

– Я ничего не хочу сказать. Я просто предполагаю.

– Ты беременна? – его голос стал резким и требовательным.

Чем-чем, а соображением бог мужчин в этой семейке не обделил. Даже иногда страшно становится, такие они, заразы, сообразительные.

– Боже упаси! – несколько принужденно засмеялась я. – Марк, я просто спрашиваю! Если я действительно была бы беременна, что в таком случае ожидало нашего ребенка? Можно говорить о том, что он стал бы твоим законным сыном и наследником Ротенбургов?

– Нет, – сразу же ответил он.

– Почему?

– Согласно традиционным правилам, чтобы быть моим наследником, он должен быть законным, то есть, он должен быть рожден в законном браке. Законными считаются также случаи, когда дети рождаются после семи месяцев брака. Для примера, если бы нас с Аделиной сейчас развели, и мы с тобой немедленно поженились, наш гипотетический сын унаследовал бы все состояние и статус барона фон Ротенбург. Но этот вариант при нынешнем раскладе отпадает. Поэтому этот гипотетический ребенок просто бы считался моим незаконным ребенком.

– Спасибо, я все поняла, – упавшим голосом проговорила я.

– Элен, в чем дело? – в его голосе было беспокойство. – Скажи мне правду.

Я вздохнула, мысленно приказав себе ни в коем случае не распускать язык.

– Правда в том, что этот ребенок пока гипотетический, – как можно легкомысленнее сказала я. – Поговорим лучше о чем-нибудь другом.

– Хорошо, – согласился он, но в его голосе все еще оставалось сомнение. – В любом случае, обещай мне, что если произойдет что-нибудь неординарное и неожиданное, ты немедленно сообщишь об этом мне. Обещаешь?

– Обещаю, – послушно согласилась я.

Нечто неординарное и неожиданное действительно произошло. Ребенок был не гипотетический. В этом я убедилась, снова посетив в двадцатый числа мая врачу в поликлинике.

– Поздравляю молодую мамочку, – улыбнулась мне врачиха. – Вы замужем?

– Нет, – отстраненно отвечала я.

Она покачала головой и ее энтузиазма заметно поубавилось

– Это ничего! – тем не менее, убежденно сказала она. – В наше время этим уже никого не удивишь. Что ж поделаешь. Ты молодая, красивая, еще найдешь себе хорошего парня. А этот-то, папочка, где?

– Да кто ж его знает, – пробормотала я, ретируясь из медицинского кабинета.

«Хороший парень» не заставил себя долго ждать. Буквально на следующий день мне неожиданно позвонил Эгис.

– Привет, любимая, – весело сказал он. – К сожалению, я не смогу приехать к твоему дню рождения в мае. Придется задержаться на неделю-другую, но зато потом мы можем провести все лето вместе.

Перспектива, что ни говори, блестящая.

Он был в приподнятом настроении, еще бы, на какое-то время ему удалось вывести Марка из игры, и за лето он, наверное, готовился вырвать у меня согласие на брак и новый контракт всеми правдами и неправдами.

– Если мне не изменяет память, – как можно вежливее постаралась напомнить ему я, – я разорвала нашу помолвку и вернула тебе кольцо.

– Я помню, любимая, – его голос остался таким же приветливым. – Но мы ведь расстались друзьями? Подумай об этом, а?

Но у меня не было никакого настроения думать об этом. Передо мной стояла совсем другая проблема. Конечно же, я хотела иметь детей от Марка, но не сейчас, а, скажем так, позже. Аборт? Но Танечка, которая проявляла живое участие к моей судьбе, так долго с жаром отговаривала меня от этого, что я заколебалась. Но что я буду делать одна с ребенком? Вряд ли Эгис женится на мне, зная, что я беременна от Марка. Переспать с ним и выдать ребенка за его собственного ребенка? Еще глупее. Я не хотела выходить замуж за Эгиса. Я хотела выйти замуж за Марка. Сесть на шею родителям? Тоже не годится. При таком раскладе, мамочка быстро перекинется на сторону Эгиса и выдаст меня за него замуж. Если я сейчас позвоню Марку и скажу о ребенке, что изменится? Что он может сделать? Даст мне денег на аборт? Или предложит содержание? Даже если Марк и окажет мне материальную поддержку, я стану полностью зависима от него, и он перестанет со мной считаться, как всегда делают мужчины. При его нерасторгнутом первом браке, шансов на счастливый конец в таком случае у меня не было вообще. Я ломала голову над тем, что же мне делать вплоть до самого своего дня рождения в конце мая.

На мой день рождения Марк не позвонил. Эгис, разумеется, отметил и сообщил, что подарки привезет, когда придет. Я была так расстроена молчанием Марка, что даже рассеянно с ним согласилась. На следующий день, разозлившись, я решила воспользоваться предложением Марка и позвонить за счет абонента в Гамбург. Все сошло на редкость удачно.

– Канцелярия барона фон Ротенбург, – ответил мне серебристый женский голосок.

– Могу я поговорить с господином бароном? – вежливо спросила я.

– К сожалению, нет. Господин барон сейчас в отъезде, но он должен вернуться на следующей неделе, – заученно отрапортовала мен секретарь.

– Могу я узнать, где он? – спросила я, холодея от радостного предчувствия, что Марк решил сделать мне сюрприз и приехать в Саратов вместо подарка на мой день рождения.

– Да, конечно, – серебристый женский голосок остался невозмутим. – Он в Канаде, у своего тестя.

Когда я, убитая горем по этому поводу, пересказала содержание разговора Танечке, та очень разумно заметила:

–С чего ты взяла, что он решил помириться с женой, сумасшедшая? Я думаю, дело связано с разводом. Возможно, он пытается что-то сделать, опираясь на влияние тестя.

Эта простая мысль как-то не приходила мне в голову. Но все равно, мне казалось, что он все-таки мог бы и поздравить меня с днем рождения!

Через две недели после моего звонка в Гамбург, в Саратов приехал Эгис. Он позвонил мне в четверг утром, уже из номера гостиницы, где он остановился, когда мы с родителями еще только завтракали.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – учтиво осведомился он в трубку.

– Нет, – отрезала я. – Мне даже не хочется с тобой встречаться.

– Мадмуазель уже чувствует себя баронессой фон Ротенбург? – с непонятным мне весельем в голосе спросил он, после чего примерно таким же категоричным тоном, как прежде я, произнес: – Тем не менее, ты со мной встретишься.

– И не подумаю! – не осталась в долгу я.

– Ты боишься, что если ты встретишься со мной, наш общий знакомый, барон Марк фон Ротенбург засомневается, его ли ребенка ты носишь? – ехидно спросил он.

– Откуда ты знаешь? – почти прошептала я в ответ после долгого молчания, в течение которого я пыталась придти в себя.

– Мир не без добрых людей, любимая, – откликнулся он. – Меня даже уже поздравили с сыном, правда, немного преждевременно. Приходи, у меня есть к тебе разговор.

– Хорошо, – согласилась я и положила трубку.

Когда через час мы встретились с ним в кафетерии гостиницы, Эгис даже не стал говорить со мной. Он бросил передо мной на столик кипу бумаг, изрисованных странными крючочками и загогулинками, и сказал:

– Садись, почитай. Это твоя медицинская карта. Андрей одолжил мне на время результаты твоих последних анализов в Диагностическом Центре. Тебя ведь туда посылали, когда выяснилось, что ты беременна?

– Россия – это страна, где нет ни авторского права, ни врачебной тайны, – проворчала я, усаживаясь за столик и придвигая к себе кипу бумаг.

– К счастью для тебя, любимая, – откликнулся он, занимая место за столиком напротив меня и заказывая нам обоим завтрак. – Читай, и ты согласишься, что я прав.

– Но я ничего не понимаю! – воскликнула я после того, как потратила почти пять минут для того, чтобы опознать первое слово в первом предложении. – Это просто бред какой-то! Разве можно так писать? Может быть, ты мне переведешь мне всю эту абракадабру? Или хотя бы изложишь краткое содержание? Бьюсь об заклад, ты уже это читал!

– Конечно, читал, – согласился он.

– Ну и о чем речь?

– А речь о том, – он удобнее уселся на жестком диванчике кафетерия, – что врачи, и я в том числе, поставили тебе диагноз непроходимости маточных труб. Это серьезная проблема. То, что у тебя получилось в результате, называется, по-простому, внематочной беременностью. Это когда зародыш начинает развиваться не в матке, где ему положено, а у тебя в брюшной полости. Он достигает до определенных размеров, а затем начинает повреждать тебе внутренности. Исход таких беременностей один – аборт. Рано или поздно. Лучше, конечно, рано, потому что поздно чревато всякими последствиями и осложнениями. Я понятно говорю?

– Понятно.

Я была подавлена. Но с другой стороны у меня в душе шевелилась какая-то гаденькая радость – слава богу, ничего уже не надо решать самой, врачи сделают аборт, и этого ребенка, отношение к которому у меня уже сейчас было сложным, не будет. Так лучше для всех – для меня, для Марка, да и для ребенка тоже. Очнувшись от своих мыслей, я услышала конец последней фразы, произнесенной Эгисом:

– Впрочем, если ты не веришь мне, поедem в Центр, тебя осмотрит пара совершенно незнакомых мне и непредвзятых врачей, и они скажут то же самое.

Я обоими руками ухватилась за эту мысль:

– Поехали.

Мы проторчали в Диагностическом Центре полдня. К вечеру результаты моих анализов, интерпретируемые полдюжиной врачей почти дословно подтвердили мне все то, что говорил мне Эгис. Все это время он, сосредоточенный и внимательный, находился рядом со мной. А ближе к вечеру, когда меня, наконец, отпустили, он усадил меня на лавочку в скверике больницы и, серьезно глядя в глаза, спросил:

– Я надеюсь, ты убедилась в том, что тебе нужна операция? И это вовсе не мои злые происки с целью повредить вашему роману с Марком?

– Да, – вздохнула я. – Убедилась.

– А теперь слушай меня внимательно, любимая.

Удивленная его серьезным тоном, я подняла голову и встретила его напряженный взгляд. Красивое лицо его словно затвердело.

– Я не могу, просто не имею права оставить тебя на милость этих туполомов, – начал говорить он. – В лучшем случае, боюсь, тебя сделают инвалидом на всю жизнь. Загран паспорт твой, как я понимаю, не готов. Стало быть, не могу взять тебя с собой в Германию и показать лучшим специалистам в моей клинике. В твоём случае каждый потерянный день грозит осложнениями. Пожалуйста, выслушай меня до конца. Я – хороший хирург, хороший врач. Это не слова и не хвастовство. Я знаю себе цену. Последние два года у меня была возможность стажироваться по гинекологии. Заплатив вашему медуучреждению, с Андреем как ассистентом и парой хороших медсестер по его выбору, я могу провести такую операцию. И я сделаю все как надо, по возможности аккуратно и с наименьшими повреждениями. Ведь от этого зависит, будешь ли ты вообще иметь детей, а я хочу твоего ребенка, очень хочу. Доверься мне, любимая.

Я сидела, закрыв глаза. Я боялась их открыть, потому что мне казалось, что если я их открою, то слезы потекут по моим щекам. Эгис Ротенбург был ужасный, несносный человек, но сейчас мне хотелось броситься ему на шею и рыдать в его объятьях, как маленький ребенок.

– Ты слышишь меня? – донесся до меня его встревоженный голос.

– Да, – я открыла глаза. – Ты прав. Я верю тебе. Но как это устроить?

У него на все был ответ.

– Я попробую договориться в Центре. Я дипломированный врач. Как только у них освободится стол, можно попробовать получить разрешение на операцию. У меня хорошие контакты с вашей больницей. Я думаю, они пойдут мне навстречу, мы в течение нескольких лет поставляем им оборудование, и я лично знаком с главврачом. Направление Андрей тебе сейчас изготовит. Бумажку-согласие на операцию нужно будет подписать тебе самой.

Для него, похоже, вообще не было неразрешимых проблем.

Пока он бегал по клинике, доставая разрешение на операцию и приготавливая все необходимое для нее, я дошла до Центрального телеграфа и попросила девушку соединить меня с Гамбургом. Через десять минут она подозвала меня и сказала:

– Вторая cabina, девушка.

В канцелярии барона фон Ротенбурга все тот же серебристый женский голос охотно сообщил:

– Да, господин барон уже вернулся из Канады. Он на совещании с главами компаний. Я не могу отрывать его, я получила указания не беспокоить его, что бы ни случилось.

– Но дело очень срочное, фроляйн! – с нажимом сказала я. – Я уверена, господин барон не рассердится, если вы его вызовете. Это очень важно и очень срочно!

– Я просто не имею права этого делать! – голос на том конце трубки зазвенел как струна. – Я могу лишиться своего места из-за этого!

– Вы можете его лишиться еще скорее, если я не поговорю с Марком сейчас! – рассердилась я.

– Фроляйн, – ее голос стал неприветлив и официален. – Я уже сказала вам, что господин барон сейчас занят. Или вы оставляете ему сообщение, или я кладу трубку. Назовите ваше имя и телефон, по которому с вами можно связаться. Господин барон освободится ориентировочно через два часа.

Я оставила ей свое имя и телефон больницы, и вернулась в клинику.

Через три часа, так и не дождавшись звонка, я уже лежала в гинекологическом кресле. Мне вкололи порядочную порцию амнезии, и я мирно вознеслась в nirvanу. Когда я очнулась, все было кончено.

Меня сгрузили на койку отдельной палаты-бокса, я поерзала на ней, устраиваясь поудобнее, подоткнула под бока одеяло и тупо уставилась в потолок. Марк так и не позвонил. Через некоторое время наркоз начал отходить и меня заколотило. Перед глазами, как в детском калейдоскопе, поплыли оранжевые кольца и синие кубики, и только усилием воли я на неко-

торое время приводила себя в чувство, затем снова отключалась. Оклемавшись в очередной раз, я увидела Эгиса, сидящего на стуле возле кровати.

– Прости, любимая, – виновато улыбнувшись, сказал он. – Я так боялся за тебя, что переборщил с наркозом. Теперь у тебя «отходняк», как у классического наркомана.

У меня внезапно застучали зубы.

– Тебе холодно? – спросил он.

– Временами.

Я ничего не успела добавить, как он неожиданно улегся со мной рядом на больничную кровать, обнял меня и прижал к себе, сдерживая мою дрожь. Его руки были такие сильные и теплые, что мне стало хорошо. Я закрыла глаза и положила голову ему на плечо.

– Хочешь, я расскажу тебе сказку? – предложил он.

Я кивнула и с наслаждением от того, что обрела надежное, теплое и живое пристанище, прижалась к нему еще крепче, потому что мое тело продолжала сотрясать противная дрожь. Всю ночь напролет он лежал рядом со мной и рассказывал мне сказки. Я не знаю, откуда он их столько знал, но мне было так хорошо возле него, так надежно и уютно, что под утро я вырубилась полностью. Утром мне стало легче. Днем в кафетерии гостиницы он поил меня хорошим красным вином и кормил шоколадным мороженым для «восстановления сил». Вечером мы смотрели фильмы по телеку в его номере.

– Если ты передумаешь, – сказал он мне на следующий день, когда мы стояли возле вагона поезда за несколько минут до его отхода, – если получится так, что вы с Марком не сумеете договориться, мало ли что бывает в жизни, ты всегда можешь рассчитывать на меня. Ты единственная женщина, с которой я хотел бы завести семью, я никогда не забуду тебя. Помни об этом, любимая.

Его губы скользнули по моей щеке, и, внезапно для самой себя, я удержала его, обхватила руками за шею и прижалась своими губами к его губам. Это был дружеский поцелуй, полный признательности и благодарности, но когда его губы откликнулись на мое прикосновение, я почувствовала знакомую чувственную дрожь во всем теле и осознала, что он это тоже почувствовал. Для меня этот красивый, обаятельный мужчина всегда будет желанным, но, к сожалению, я никогда не смогу не полюбить.

Это было написано на моем лице. Я ничего не сказала, но он все понял. Я бы обожала его до безумия, если бы встретила его раньше Зигмунта. Жизнь распорядилась иначе. Я знала только, что никогда его не забуду, суждено ли нам расстаться и никогда больше не встретиться, или прожить подле друг друга всю долгую жизнь.

Глава 10

Вечером три дня спустя я услышала в трубке чей-то хриплый и прерывистый голос, который я в первую минуту даже не узнала:

– Елена?

В ту же минуту я поняла, что это был голос Кристины.

– Крис? Что случилось?

Некоторое время в трубке слышалось только ее тяжелое дыхание, протяжные вздохи и едва сдерживаемые всхлипы.

– Кристина! – настойчиво повторила я.

– Марк фон Ротенбург в больнице, – наконец сказала она. – Он ранен... огнестрельное ранение...

– Что-о? – в изумлении вскричала я. – Крис, война закончилась пятьдесят лет назад!

Кристина снова всхлипнула.

– Я не знаю, с чего начать...

– Для начала скажи, что случилось, – как можно жестче и уверенней сказала я, пытаюсь предотвратить истерику. – Что с Марком? Я звонила ему насколько раз, но он все время был занят.

Она в последний раз шмыгнула носом, а потом начала быстро говорить:

– Вечером в среду в замке должны были собраться все. Ближайшие родственники Ротенбургов. Старый барон хотел обсудить поведение Эгиса и Аделины на суде. Ну, то, которое сильно осложнило бракоразводный процесс Марка. Надеюсь, ты в курсе?

– Да, конечно, я помню, – подтвердила я. – Продолжай, пожалуйста.

– Старый барон решил собрать всех родственников. Обсудить этот вопрос на семейном совете. Все собрались в замке вечером в среду. Эгис приехал в последнюю минуту. И когда все расположились в кабинете старого барона, он на глазах родственников подошел к Марку и дал ему пощечину...

Голос Кристины сорвался.

– О господи! – я начала догадываться, в чем дело.

– Эгис дал ему пощечину, – торопливо продолжала Кристина, – и сказал что-то вроде, это тебе от меня за мою жену. А дальше отвесил ему еще одну оплеуху со словами, а это, мол, от него. Потом бросил на стол перед Марком пластиковый прозрачный пакет с какой-то кровавой массой внутри.

– Что-о? – ахнула я. – Не может быть!

– Марк стоял белый, как стенка, – частила Кристина. – Я даже подумала, что ему станет плохо. Он сразу все понял. Как ты могла так с ними поступить, Елена?! – в ее высоком голосе послышался назревающий истерический надрыв.

– Дальше, дальше, что было дальше! – холодея от недобрых предчувствий, безжалостно подгоняла ее я.

– Эгис, не давая Марку опомниться, заявил, чтобы тот, наконец, оставил его женщину в покое. Что ты принадлежишь ему. И если Марк хочет сохранить свое реноме порядочного человека, каким всегда считал его дед, то он советовал бы ему не лезь в чужую супружескую постель. А потом сказал, что он уходит. Говорит, решайте здесь, что хотите, ему наплевать. Он, мол, в этом доме рядом с Марком больше ни секунды не останется.

По мере того, как она говорила, картина происшедшего словно наяву вставала перед моими глазами. Я слушала ее, но не слышала ее голоса, я словно видела то, что происходило в кабинете старого барона...

... Закончив свой монолог, Эгис пошел к двери, но Марк остановил его:
– Останься, Ротенбург! За такие оскорбления следует платить!
– Платить? – Эгис обернулся. – Платить будешь ты, ты уже начал это делать. Твой сын мертв! Я делал аборт собственноручно. Пока, дорогой.

– Остановись!

Голос Марка был угрожающе спокоен.

– И не подумаю.

– Остановись!

– Нет. Я все сказал.

– Тем не менее, тебе придется остаться!

– Ты так думаешь?

Эгис сделал последний шаг к двери, но тут Марк выдвинул ящик письменного стола барона и вытащил оттуда свой револьвер...

...Кристина замолчала.

– Крис! Не молчи, ради бога! – чуть ли не простонала я. – Говори!

– Марк выстрелил два раза, – наконец хрипло сказала она. – Один раз ему под ноги, а второй когда этот упрямый баран рванулся к двери ...

...Эгис, такой же бледный, как и барон, вынужден был подойти к столу и сесть на стул, куда указал ему Марк. Все остальные в молчании, совершенно ошеломленные, наблюдали за происходящим.

Когда Эгис сел, Марк поднялся и, опершись ладонями о стол, перегнулся через стол навстречу Эгису и, жестко сказал, глядя ему в глаза:

– Ты принимаешь меня за слабую, незащищенную девчонку, которая не может противиться тебе и твоим друзьям с деньгами и связями? Ты ошибаешься! Здесь, в Германии, платить будешь ты! Я лишу тебя работы, я вышвырну тебя из страны нищим и сделаю так, что ни одна порядочная фирма Европы не возьмет тебя на работу даже дворником. Может быть, ты и сумел отнять у меня моего ребенка и Элен, но и своей семьи у тебя никогда не будет. Ты никогда не сможешь себе ее позволить – нищий, бродяга, я не дам тебе жить с ней! Она моя, только моя!

Пока Марк говорил, бледный, с горящими глазами, казавшимися черными от гнева и боли, Эгис молчал, но с последними словами вскинул голову, вскочил и, видимо, в этот момент его взгляд упал на револьвер, который Марк после того, как он стал ему не нужен, положил на стол. Он схватил его, и, не помня себя от ярости, несколько раз в упор выстрелил в Марка.

Все закричали одновременно, но никто не сдвинулся с места. Закрыв глаза, Марк рухнул в свое кресло, заливая его кровью. Эгис снова поднял револьвер, но выстрел откуда-то сбоку заставил его выронить оружие и мягко сползти на пол, удивленно глядя вокруг себя помутневшими глазами. Стрелял один из охранников старого барона...

...– Господи! – мне казалось, что сердце выскакивает у меня из груди. – Боже ты мой! А Марк, что с Марком?

– Марк пришел в себя утром в четверг, – помолчав, скупно сказала Кристина. – Раны не опасны для жизни, он потерял много крови, но сейчас уже все утряслось.

– Слава богу! – выдохнула я в трубку.

– Как только он смог встать на ноги, – безжизненным тоном продолжала она, – он похоронил своего ребенка на семейном кладбище, рядом с могилой своей матери и сестры Каролины.

– Когда это было? – неожиданно хрипло спросила я.

– Сегодня утром. На его могиле он поклялся, что Эгис никогда не выйдет из тюрьмы. Зачем ты это сделала, Елена?

Я промолчала.

– Марк очень порядочный парень, – продолжала Кристина. – Он бы никогда не бросил этого ребенка и тебя.

– Крис, все не так, как ты думаешь, – слабо возразила я, медленно приходя в себя от потрясения.

– Он тебя любит, любит без памяти, – с истерическим надрывом продолжала говорить Кристина, – но он так оскорблен, что распорядился убрать все фотографии из дома, твои и своей матери, и запретил кому бы то ни было упоминать при нем твое имя. Он не хочет ни видеть, ни слышать тебя. Все кончено. Адвокат получил распоряжение постараться обойтись без упоминания твоего имени во время процесса.

– Какого процесса? – тупо повторила я за ней, все еще находясь под впечатлением услышанного.

– Судебного. Марк поклялся, что Эгис не выйдет из тюрьмы. Как только он поправится, его посадят.

– Что-о? – выдохнула я.

– Фрау Ульрика лежит в реанимации с сердечным приступом, отец полностью на стороне Марка, – шмыгнула носом Кристина.

– И все в один голос обвиняют меня, – тихо и обреченно сказала я.

– Зачем ты сделала аборт? – вместо ответа спросила она с тоской в голосе.

– Это была внематочная беременность! – почти закричала я. – Скажи это Марку, когда к нему вернется способность соображать! То, что он похоронил на кладбище, не было и никогда не могло быть его сыном!

– Вот это да! – Кристина задышала в трубку, возбужденно и хрипло, как астматик. – Господи спаси и сохрани! Ты знаешь, что ребенок, которым подменили Марка, тоже не мог родиться потому, что у баронессы была внематочная беременность? После этого она никогда больше так и не смогла родить!

– Оставьте меня в покое! Я не баронесса! – закричала я.

– Я скоро сойду с ума! – пожаловалась мне Кристина в трубку минуту спустя. В ее голосе слышалась явная растерянность. – Я знаю, что ты – не она, но иногда... иногда сомневаюсь в этом!

Господи, спаси меня от друзей, быстро подумала я, вспоминая слова одного из великих. Со своими врагами я сам справлюсь!

– Марк сказал, что не хочет меня знать? – немного подождав, чтобы дать ей опомниться, осторожно спросила я.

– Да, – она вздохнула. – Это так. Возможно, он отойдет через какое-то время, но это маловероятно. У него очень жесткий характер, совсем как у старого барона, и он слишком, на мой взгляд, влюбился.

– Как же так? – не поняла я. – По твоим словам, он в меня влюблен и в то же время он отказывается от меня?

– Он чувствует себя оскорбленным! – сообщила Кристина мне таким тоном, словно я была дурочкой.

– Да что ты говоришь! – не удержалась от сарказма я. – Я звонила ему два раза, и оба раза он не захотел перезвонить мне. Я пыталась поговорить с ним и объяснить ему ситуацию, прежде чем делать аборт, но секретарша сказала, что он занят и распорядился его не беспокоить. Я оставила ей свой телефон, чтобы он перезвонил, но он не сделал этого!

Кристина на некоторое время замолчала, размышляя над услышанным. Когда она снова заговорила, в ее голосе слышалась обида и недоумение:

– Постой, я ничего об этом не знаю! Но почему ты не сказала ему о беременности?

– Когда? – вместо ответа терпеливо спросила ее я, посчитав для того, чтобы обрести спокойствие про себя в уме до ста. – Он был недосыгаем, в Канаде.

– Когда он тебя спрашивал об этом! – закричала в трубку эта истеричка.

– Он меня не спрашивал! – в свою очередь, заорала в трубку я. – К тому же тогда я сама не была уверена...

– У тебя на все есть ответ! – вздохнула Кристина и снова замолчала.

Я лихорадочно раздумывала, что я могу сделать, чтобы вырвать ее из подавленного состояния и дать ей совет, как можно разрешить эту глупую, идиотскую ситуацию, в которую по вине меня, Марка и Эгиса попала вся семья. Так ничего и не придумав, я внезапно вспомнила про старого барона Ротенбурга. К моему величайшему удивлению, до сих пор в рассказе Кристины его имя не прозвучало.

– Ты ведь любишь Эгиса, Крис? – как можно больше смягчив интонацию своего голоса, спросила я и, дождавшись ее короткого всхлипа, который я приняла за подтверждение, категорически заявила: – Тогда ты должна помочь ему!

– Как я могу ему помочь? – снова всхлипнула Кристина. – Марк никогда не поддавался ни на чье влияние! Единственный, кто может переубедить его, это старый барон.

– Правильно, – сдерживая нетерпение, похвалила ее я. – Тогда мне нужно поговорить с ним. Ты можешь попросить его мне позвонить?

– Ты думаешь, он захочет говорить с тобой? После того, что произошло по твоей вине? – с сомнением спросила она.

Мне снова, в который раз за этот разговор, захотелось как следует стукнуть ее, чтобы привести в чувство.

– Почему нет? – тем не менее, как можно убедительней произнесла я. – Он ко мне хорошо относится. Попытайся переговорить с ним и попроси его позвонить мне! Эгис, конечно, поступил гадко, что повернул все таким образом, но все равно. Никак не могу представить себе нашего блистательного Эгиса Ротенбурга в тюрьме.

Старый барон фон Ротенбург позвонил мне два дня спустя, когда я уже серьезно подумывала о том, как бы половчее удрать с семинара по гражданскому праву, чтобы успеть добежать до центрального почтамта и заказать разговор с канцелярией барона в Гамбурге.

– Марк сейчас в Канаде, – со свойственной ему прямоотой сказал старый барон без всяких предисловий, – второго героя-любownika я только что самолично вытащил из тюрьмы. При условии, что оба идиота не приблизятся к тебе на расстояние пушечного выстрела.

– Спасибо, ваша светлость! – хмуро сказала я.

– Теперь я хотел бы знать, что происходит? – любезно осведомился старый барон. – Тот фрагмент ваших отношений с Марком, который позволил вам сделать ребенка, как-то ускользнул от моего внимания. Вы, что же, с ним все это время встречались?

– Да, – коротко сказала я. – Он несколько раз прилетал в Саратов и три месяца назад мы провели с ним неделю в Рамбуе.

– Вот шельмец! – старый барон на другом конце провода даже развеселился. – Мне он ни слова не сказал! Партизан хренов!

– Ваша светлость, это вас ваша русская жена научила так выражаться? – не выдержав, съехидничала я.

– Естественно. Не забывай, детка, мы прожили с ней десять лет! – также ехидно ответил старый барон. – Этого оказалось мало для того, чтобы научиться прилично говорить по-русски, но достаточно для того, чтобы научиться ругаться по-русски. Надеюсь, ты продолжишь мое образование.

– В каком это смысле? – чуть не поперхнулась я. – Ваша светлость хочет пополнить запас русских непечатных выражений?

Старый барон окончательно развеселился. Я услышала его короткий смешок, а затем он уже серьезно сказал:

– Я хочу, чтобы ты приехала ко мне в гости. Нам нужно серьезно поговорить. Тот факт, что ты смогла поехать с Марком в Рамбуйе значит, что у тебя есть загранпаспорт. Я сделаю тебе приглашение, ты получишь визу и приедешь ко мне в Гамбург. В замке места много, ты меня несколько не обрестишь. Для меня же это будет иллюзия присутствия Алиции. Я готов послать приглашение и оплатить тебе дорогу завтра же утром. Ну как?

– Спасибо, это очень любезно с вашей стороны, – ошарашенно пробормотала я. – Но я даже не знаю.

– Надеюсь, ты меня не боишься? – насмешливо спросил он.

– Ну как вам сказать, – попыталась уйти от ответа я.

– Скажи, как есть, – тут же посоветовал мне он. – Я приглашаю тебя потому, что нам надо серьезно поговорить о вас с Марком и, кроме того, в целях твоей личной безопасности. Если ты будешь находиться рядом со мной, мне будет легче контролировать ситуацию. Ротенбурги очень упрямые люди, я не думаю, что мои угрозы заставят мальчиков от тебя отступить.

– Но Марк, кажется, уже проклял меня, – помолчав, сказала я.

– Ерунда! – тут же категорично отозвался барон. – Я сам проклинал Алицию так часто, что не могу даже вспомнить. Марк отойдет. Честно говоря, мне внушает больше опасений твой бойфренд из Риги. Этот парень чистокровный Ротенбург. Его может остановить только прямое физическое насилие. Я не хочу, чтобы они из-за тебя друг друга поубивали.

Он на секунду замолк, а потом неожиданно спросил:

– Беременность, надо полагать, была внематочная?

– Откуда вы знаете? – поразила я.

– Ты так похожа на мою покойную жену, что я ничему не удивляюсь, – сокрушенно отвечал старый барон. – Надеюсь, тебе уже доложили, что Алиция не смогла больше иметь детей из-за запущенной внематочной беременности?

– Доложили, – неохотно созналась я.

– Кто, если не секрет?

– Кристина.

– Кристина? – он на минуту замешкался, а потом пробормотал, словно про себя: – А, это твоя подруга, жена младшего Ротенбурга из Риги, не так ли? Значит, я высылаю тебе приглашение на адрес нашего посольства в Саратове. Как только оно прибудет, с тобой свяжутся. Марк намеревается пробыть в Канаде всю весну и все лето. Но мы что-нибудь придумаем. Ни о чем не беспокойся, все будет хорошо. Все будет так, как ты захочешь, как говорила моя жена Алиция.

Часть 2. Баронесса фон Ротенбург

Глава 1

Я приехала в Германию в начале апреля того же года. К счастью, проблем с визой у меня не было – приглашение старого барона фон Ротенбурга открывало мне все двери. В аэропорту Гамбурга меня встречал собственной персоной сам старый барон. Не в пример мне, которая в мои 23 года после всех моих моральных потрясений чувствовала себя старушкой, он в свои семьдесят выглядел подтянутым и свежим, как подснежник. Глядя на его высокую, гибкую, стройную фигуру, которой мог позавидовать двадцатипятилетний парень, я почему-то вспомнила Эгиса.

– Марк все еще в Канаде, – бодро сказал барон в ответ на мой невысказанный вопрос. – Но я буду счастлив показать тебе Померанию, как он обещал. Мы можем начать с моего замка.

– Замка?! – поразила я. – А что, у вас есть замок?

– Совсем маленький! – уверил меня он, хитро улыбаясь, – Но если он тебе не понравится, мы можем переехать в мой дом в Гамбурге или во Франкфурте.

Замок показался мне огромным. Построенный в готическом стиле и датированный, скорее всего, началом пятнадцатого века, он был подлинной находкой для профессионального историка типа меня. Тщательно отреставрированный в лучших традициях его времени, замок был также неприметно модернизирован современными достижениями новейшей технической мысли. В нем было проведено электричество, центральное отопление, имелся даже беспроводный доступ к интернету. Сохранив средневековую атрибутику, кухня была полностью экипирована современными кухонными комбайнами с цифровым управлением. Огромный парадный зал, украшенный знаменами и штандартами рода Ротенбургов, был сопоставим по размеру с целый наш университетский корпус на улице Алексея Толстого в Саратове. В нем находилось не менее пятидесяти комнат, двадцать из которых составляли жилые покои. Мне была отведена бывшая комната баронессы, размер которой был равен размеру квартиры моих родителей в Саратове.

Когда я первый раз вошла в эту комнату, мне чуть не стало плохо. Прямо напротив дверей, над камином, висел большой портрет покойной баронессы, на котором она была изображена примерно в том же возрасте, что и я. Портрет, видимо, был сделан с фотографии военного времени. Молодая девушка со светло-русыми волосами, развивающимися на ветру, казалось, заглядывала вам прямо в душу. Ее глаза были прищурены, то ли от солнца, то ли от ветра, придавая ей вид трогательной невинности и свежести. Ее поразительно красивое лицо, спокойное, чистое, с четкими тонкими чертами, вновь заставило меня усомниться:

– С чего вы все взяли, что я похожа на нее? Она так красива, эта женщина! Я даже ей в подметки не гожусь! Я просто милая девочка из «совка», и только.

– Ты ошибаешься, Елена, – сказал барон.

Я вздрогнула, на секунду мне показалось, что он прочитал мои мысли. Оказывается, я, не замечая того, произнесла эти слова вслух.

– Ты очень на нее похожа. Просто одно лицо. Особенно на этой фотографии.

Я недоверчиво взглянула на него, но от дальнейших комментариев отказалась.

В последующие несколько дней обнаружилось, что мы с покойной баронессой похожи не только внешне, но и во многих других вещах. В частности, выяснилось, что мы обе обладали редкой способностью заблудиться в трех соснах. Под необидный смех старого барона,

которого, казалось, все больше забавляла подобная ситуация, в течение первой недели моего пребывания в замке слугам пришлось раз двадцать спасать меня, указывая дорогу к моей собственной комнате. Они вежливо улыбались, глаза барона лучились ласковой насмешкой, а я чувствовала себя полной идиоткой.

В начале второй недели я немного освоилась, но мои приключения продолжались. В один прекрасный день я отважилась выйти наружу и решила прогуляться по окрестностям, стараясь не выпускать из виду громаду замковых помещений. При этом я совершенно случайно забрела в фамильный склеп. Вид могилы баронессы Алиции фон Ротенбург привел меня в состояние, близкое к потере рассудка – даже на этой более современной фотографии, где баронесса не казалась так изумительно красива, как в молодости, наше сходство было так сильно, что у меня самой по спине забегали мурашки. Впечатление было такое, как будто я стояла на своей собственной могиле.

Здесь меня и нашел старый барон фон Ротенбург.

–Элена! – негромко окликнул меня он.

Я повернулась к нему и, неожиданно для себя самой, бросилась ему в объятия, чуть не заплакав от облегчения. Он был такой реальный, живой, теплый, когда он крепко прижал меня к себе и, грустно улыбнувшись, стал вытирать мои слезы, глядя меня при этом по голове как ребенка.

–А это кто? – спросила я, немного успокоившись, указывая на соседнее надгробие.

С фотографии склепа на меня смотрел мужчина средних лет, с темными глазами и жестким лицом. Несмотря на то, что он не был красив, в его лице чувствовались фамильные черты фон Ротенбургов. Один из уголков его рта на фотографии был слегка приподнят, и это придавало ему насмешливое выражение.

–Кристиан-Герхард фон Ротенбург, – прочитала я надпись на могиле и повернулась к барону, удивленная тем, что дата смерти этого человека была та же самая, что и на могиле его жены, Алиции.

–Это мой отец, – коротко сказал барон.

–Он умер в один день с вашей женой? – удивилась я.

–Да, – было видно, что барону не нравилось обсуждать эту тему, но я просто не могла удержаться от следующего вопроса:

–Это был несчастный случай?

–В некотором роде.

Старый барон протянул мне платок и выпустил меня из своих объятий.

–Автомобильная катастрофа?

–Нет, – барон задумчиво смотрел на могилу. – Мой отец застрелился в тот день, когда узнал о смерти Алиции.

Он повернулся ко мне, увидел мое потрясенное лицо и открытый рот и словно расслабился.

–Мой отец любил Алицию, – помедлив, с горечью сказал он. – И не захотел жить, лишившись ее. К сожалению, я сам не мог так поступить, на моих руках были юные Каролина и Марк, и я не мог бросить их и уйти за ней, как это сделал он.

–Вы сильный человек, ваша светлость! – с чувством сказала я, вставляя на место отвисшую от удивления челюсть.

–Да, – барон иронично улыбнулся.

–Пойдем, детка, – в следующую минуту сказал он, предлагая мне свою руку. – Будь аккуратнее, здесь неровный пол.

Вечером, когда мы вдвоем по установившемуся обычаю сидели в библиотеке: барон тянул свой коньяк и смотрел новости по телевизору, а я просто сидела я ним за компанию, – он вдруг убавил звук телевизора и неожиданно спросил:

–У меня сохранился дневник Алиции, который она вела на русском. Хочешь на него взглянуть?

–Конечно, хочу! – закричала я.

Так в мои руки попали несколько общих тетрадей с воспоминаниями баронессы Алиции фон Ротенбург, или, как ее звали в молодости, Лизы Острожской. Как только я увидела это имя, все сразу же встало на свои места. Я повернулась к барону, с интересом наблюдавшему за тем, как я читала и, нервно облизнув губы, сказала:

–Ваша светлость, теперь я могу объяснить вам наше сходство. Вы были правы – это фамильное.

Барон удивленно смотрел на меня.

–Здесь, в воспоминаниях, Алиция говорит, что у нее был брат, расстрелянный большевиками. Так вот, она ошибается, она, наверное, была тогда совсем мала и не помнила, что в действительности случилась. После смерти ее отца, Владимир Острожский был отдан на воспитание тетке, и она увезла его в Баку, подальше от войны. Это мой дед. Он погиб в 1942 году на иранской границе.

–Но позволь! – вскричал старый барон, вскакивая на ноги. – Изольда сказала, что имя твоего деда было Владимир Вирхов, и, по женской линии, он происходил из одной из веток известнейших в России дворянских семей, Оболенских.

Я не могла сдержать легкой улыбки при мысли о том, как хорошо подготовилась к визиту к Ротенбургам пани Изольда.

–Это действительно так, – подтвердила я. – Бабушка рассказывала мне это. Острожские были в родстве с Оболенскими. Мать Владимира была из немцев, ее звали Каролина фон Вирхофф. Когда она отдавала сына в семью своей сестры, чтобы уберечь его от участи отца, она захотела, чтобы он носил ее имя. Она сделала это потому, что полагала, что потом, после революции, ей или ее родне из Германии будет легче его найти. Поэтому, мальчик стал Владимир Вирхофф. Приставка фон упала с самого начала, а затем и сама фамилия была переделана на русский лад – Вирхов или Верхов. Она не предполагала, что революция в России затянется так надолго.

–Значит ты – внучатая племянница Алиции? – очень тихо спросил барон.

–Получается, что это так, – пожала плечами я.

–Мне нужны документы! – категорически заявил барон. – Я передам их юристам, и к следующему году ты сможешь получить немецкое гражданство!

–У нас нет документов, – покачала головой я. – Бабка сожгла все бумаги во время войны.

–Но они есть в архивах! – не сдавался барон. – Я найду копии! Я это так не оставлю! Боже мой! – он сжал длинными аристократичными пальцами переносицу, – моя мать, наверное, переворачивается в гробу! Сначала мы получили Алицию, теперь вторую половину семейства Каролины и Анри!

–А причем тут ваша мать? – удивилась я.

–Моя мать – урожденная Ульрика фон Вирхофф, сестра Каролины, – рассеянно сказал барон, думая о чем-то своем.

–Вот это да! – теперь уже я не удержалась от удивленного восклицания.

В следующие три дня, пока я с увлечением читала дневник баронессы, старый барон развил просто бешеную деятельность. К моему величайшему изумлению, он сумел найти и заказать из развалившихся архивов Советского Союза архивную запись о рождении моего деда, его первое свидетельство о рождении с именем настоящего отца, Андрея Острожского, а затем копию записи о перемене фамилии, и документы, подтверждающие его женитьбу на моей бабушке

и рождение моей матери. Я только в удивлении хлопала глазами, поражаясь тому, какие чудеса могут творить в России деньги и продажные чиновники.

Когда я дочитала последние страницы дневника баронессы, я не знала, что мне делать. Личная жизнь Алиции фон Ротенбург была настолько необычной, что я как-то даже опасалась говорить о ней с бароном. А он открыто попросил меня перевести ему ее дневники.

Был вечер, и мы снова сидели с ним в креслах перед телевизором в уютной библиотеке. Перед ним на столе стоял его неизменный бокал с коньяком.

Я некоторое время смотрела на барона, не зная, что сказать, а потом осторожно спросила:

– Скажите, ваша светлость, вы знали, какие отношения связывали вашего отца и вашу жену?

– Конечно, знал, – насмешливо сказал барон. – Они были любовниками. Я никогда не мог понять, кого она любила больше, его или меня.

– Я думаю, вас, – ответила я без запинки. – По крайней мере, именно так она пишет в своем дневнике.

– И Каролина действительно моя дочь? – тут же спросил он.

– А вы сомневались?! – возопила я.

– Конечно, сомневался, – барон отпил конька из своего бокала и вновь поставил его на стол. – Но так любил ее, что не хотел ничего знать.

– Кстати, – я попыталась перевести разговор в другое русло, – она знала о том, что Марк не ее родной сын.

– Я так и думал! – барон откинулся на спинку кресла. – Я начал замечать, что после первых пяти лет, в течение которых она, видимо, узнала об этом, она начала хуже относиться к мальчишке. Значит, жертва была напрасной! Даже не знаю, что теперь делать. По закону, мой титул и общее состояние должен получить твой бойфренд, мой старший племянник. Марк потеряет все, кроме моего личного состояния. Он будет в ярости.

– Почему же вы не женились после ее смерти? – тихо спросила я. – Даже, если бы вы не любили свою новую жену, вы бы получили наследника, вашего родного сына, а не племянника. Тогда бы вы могли передать законное наследство своей собственной плоти и крови.

– Не знаю, – честно ответил барон. – Наверное, потому, что не хотел. Думал, отдам все Марку, как дань памяти о ней.

– Но он же не ее сын? – не понимая его намерения, обескураженно спросила я.

Барон вздохнул.

– Тогда еще был шанс, что я смогу передать титул сыну Каролины. Никогда, честно говоря, не думал, что именно Марк станет следующим бароном фон Ротенбургом. Взял его в семью потому, что все-таки родственник, да и Алиция готова была умереть ради того, чтобы родить мне сына. Я не хотел ее смерти, а вероятность того, что она может умереть во время новых родов была слишком велика. Вот и подумал, что может быть нас обоих устроит в качестве сына этот несчастный сирота-племянник.

– Вы жалеете? – внимательно глядя на него, спросила я.

Барон посмотрел на меня и усмехнулся.

– Ты знаешь, что ты не только вылитая копия моей жены внешне, но такая же вьедливая, как Алиция?

– Вы не ответили, – напомнила я, пропуская его замечание мимо ушей.

– И такая же упрямая! – сказал он.

– Так, значит, вы все-таки жалеете о своем поступке? – не отставала я. – Почему?

– Потому, что у младшей ветви моего семейства плохая наследственность, – помолчав, все-таки решил открыться барон, бросив на меня быстрый внимательный взгляд. – Марк, конечно, неплохой парень, но... Он жесток, и он сноб.

– Марк? – поразила я.

Барон пожал плечами.

– У каждого свои недостатки.

Я некоторое время смотрела на него, размышляя. Он выглядел грустным, этот разговор расстроил его.

– А сейчас? – спросила я, наконец, найдя приемлимый, по моим суждениям, выход.

– Что сейчас? – не понял барон.

– Почему бы вам не жениться сейчас? – предложила я. – И не сделать себе наследника? Если все так запуталось, и на ваш титул претендуют два племянника, которые, мягко говоря, не любят друг друга, а вам не нравятся оба, плюньте на все и женитесь! Заведите ребенка.

– Ты в своем уме, деточка! – рассмеялся он. – Мне семьдесят семь лет, какой наследник!

– Ну, не скажите! – поддразнила его я. – Мужчина может сделать ребенка и в вашем возрасте. Посмотрите, такими примерами полна история. Возьмите, к примеру, Гете. Уже после семидесяти лет он женился на восемнадцатилетней девушке и имел от нее ребенка. Да хотя бы и тот же польский король Ягайло. Тот вообще женился после восьмидесяти! И тоже ради наследника. Только женитесь на молодой, и все. Вы еще мужчина хоть куда, я бы в жизни не поверила, что вам больше пятидесяти пяти.

– Какая грубая лесть! – расхохотался во все горло он.

– Может быть и лесть, но вовсе не грубая! – я невольно рассмеялась вслед за ним. – Вы достаточно богаты и знатны, чтобы привлечь какую-нибудь хорошенькую девушку.

– Лет пятидесяти? – спросил он, все еще улыбаясь моим словам.

– Нет, – на полном серьезе заявила я, – нам нужна девушка репродуктивного возраста, из достаточно хорошей семьи, здоровая, относительно симпатичная, ответственная и порядочная. Кроме того, она должна вам нравиться.

– Пока ты будешь искать такую девушку, мне исполнится сто лет, – сказал барон. – У тебя имеются исторические параллели производства здорового наследника столетним стариком?

– Все не так плохо! – бодро уверила его я. – Дайте мне месяца два и я найду вам жену, способную произвести наследника. Только представьте меня в тех кругах, откуда должна быть ваша невеста, я сделаю все остальное!

Барон, усмехаясь, вновь откинулся на спинку своего кресла, пригубил коньяк и посмотрел на меня. Надо полагать, выражение лица у меня было еще то, я активно размышляла над вставшей передо мной проблемой.

– Если я представлю тебя местной знати, половина из них будет креститься и сплевывать через плечо при твоём появлении, – весело сказал он. – Ты просто до безобразия похожа на мою покойную жену! Даже мне иногда кажется, что я разговариваю сейчас с Алицией. Разве что у тебя другой акцент. Но если ты поживешь в Померании, ты быстро приобретешь местный акцент. Кроме того, есть еще одна вещь, которую ты не учла.

– Какая же? – удивилась я.

– В жизни каждого из Ротенбургов была только одна женщина, которая для них что-то значила, – медленно сказал он, глядя на меня в упор. – Если бы такая проблема возникла у меня в молодости, до того, как я встретил свою женщину, мне было бы легче просто переспать с кем-то, чтобы завести ребенка. Но в моем возрасте, чтобы подвигнуть меня на такой подвиг, мне нужна только Алиция или, – он запнулся, но все-таки договорил, – или кто-то очень похожий на нее. Другие женщины меня ничуть не привлекают.

В полутьме комнаты я видела, как он поднялся, подошел к бару, открыл его, вынул новую бутылку коньяка, плеснул на доньшко своего пузатого бокала и, обернувшись ко мне, вопросительно поднял бровь:

– Выпьешь со мной?

– Я, пожалуй, капну немного в кофе, – согласилась я.

Он подошел к дверям, чтобы позвать горничную. На фоне светлого квадрата двери я четко видела очертания его сухощавой высокой фигуры, все еще по-юношески стройной, с широким разворотом плеч и узкой в поясе. Я вдруг по странной ассоциации вспомнила описание молодого барона из дневника баронессы, и их голоса словно зазвучали у меня в мозгу, ее, мелодичный и так похожий на мой, и его, низкий и хрипловатый, каким только что разговаривал барон, вспоминая о жене...

–Алиция, ты слушаешь меня? – удивленно спросил он.

Я затрясла головой, как молодой щенок, чтобы избавиться от наваждения.

–Боже мой, прости меня детка, – тут же извинился барон. – Я, по привычке, назвал тебя Алицией. Ты задумалась, совсем как она. Тебе принесли кофе.

Горничная поставила поднос на низкий столик передо мной, спросила, не нужна ли мне помощь и, когда барон отказался от ее помощи, бесшумно выскользнула из гостиной. Барон сам налил кофе в чашку, добавил туда чайную ложку коньяку из своего бокала и протянул ее мне. Я невольно уставилась на его узкую кисть с сильными, аристократически длинными пальцами. И снова вспомнила баронессу.

–У тебя родилась новая идея? – с улыбкой спросил барон.

–Да! – внезапно сказала я, и сама себе удивилась. – Но я должна как следует подумать над ней. Вы только что сказали одну странную вещь, и я вспомнила ее. Кроме того, – я с опаской покосилась на него, – когда вы назвали ее по имени, мне показалось, что она словно присутствует здесь! Я словно слышу ее голос в своей голове. Голос, произносящий фразы из ее дневника, который я читала. Я схожу с ума, да? – упавшим голосом спросила я, видя, как его глаза расширились от изумления.

–Нет, не думаю, – он покачал головой, как-то странно поглядев на меня.

В его глазах сквозило откровенное недоумение, когда он, помедлив, все же сознался:

–Ты знаешь, детка, у меня было точно такое же наваждение. Словно на твоём месте сидела ОНА. Наверное, уже поздно и пора ложиться спать. Пока нам еще что-нибудь не примерещилось.

Я согласно наклонила голову и одним глотком выпила свой кофе, прежде чем подняться и вслед за бароном покинуть библиотеку.

Всю ночь меня мучили кошмары. Сначала я видела себя в образе Каролины фон Вирхофф, бегущей ночью по лесу с ребенком на руках. В следующий момент я зарывала семейные драгоценности, сложенные в холщовый мешок, на какой-то клумбе в большом поместье. Через несколько долгих секунд я ощутила себя в зловонной теплушке, покачивающейся на рельсах, рядом с кучей грязных копошащихся тел. Я вздрогнула от ужаса и проснулась. И тут же зажмурила глаза. Освещенное лунным светом, проходящим через стекла не задернутого шторами окна, с портрета на противоположной от кровати стене на меня смотрело изображение баронессы. Ее светлые глаза были чуть прищурены, как от ветра, губы изогнуты в насмешливой улыбке.

Я встала, задернула шторы, и снова легла. Но заснуть уже не смогла, лежала и вспоминала строчки и целые страницы из дневника этой удивительной женщины, на которую я была похожа. «Можно ли любить двух мужчин одновременно? Можно ли любить и не любить двух мужчин одновременно?» Сколько лет было Герхарду фон Ротенбургу, отцу барона, когда она спала с ним после войны? Чуть меньше, чем сейчас барону? Почему старый барон сомневался, что Каролина его дочь? Баронесса была твердо уверена в этом. Но не слишком ли рьяно она утверждала это в своих дневниках, – внезапно пришла мне в голову мысль. Если барон сомневался стало быть, у него были в этом основания? Я сглупила, что не спросила его об этом, когда он был готов говорить, успела подумать я, прежде чем другая мысль поразила меня. Он, наверное, чувствует себя полным неудачником, что из двух детей, которых он воспитал, ни

один не является его ребенком. А теперь еще эта тяжба за наследство. Еще один утерянный прямыми наследниками титул. Печально. «Она была готова умереть, чтобы дать мне сына», – внезапно всплыла в моем мозгу фраза из нашего разговора с бароном. Она действительно чуть не умерла, пытаясь сохранить внематочную беременность. Но кто был отец этого ребенка?! Отец или сын?! Впрочем, для наследования это не имело значения. Это был прямой потомок, не такой как Марк или Эгис.

Я встала и отдернула занавеску. Лунный свет снова упал на классически красивое лицо этой таинственной женщины, баронессы Алиции фон Ротенбург, урожденной Острожской. Моей прабабки, как установил барон. Я невольно вспомнила заученные еще в детстве строчки Марины Цветаевой, и медленно прочитала их, глядя прямо в глаза лицу, изображенному на портрете:

*Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?
Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица
Локоны в виде спирали.
Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?*

Мне показалось, что ее улыбка стала еще более насмешливой.

«Поживешь с мое, перенесешь столько, сколько я перенесла, – казалось, говорил ее взгляд, – и перестанешь задавать глупые вопросы. Нет ничего важнее людей, которых ты любишь, и которые любят тебя. Ради них можно соврать, предать, убить и сделать все, что угодно. Я это сделала. Теперь твой черед».

Я прыгнула в постель и с головой закрылась одеялом.

«Вам хорошо говорить! – мысленно отвечала я баронессе. – Вы любили обоих. А я теперь не люблю никого. Ни Сережку, ни Эгиса, ни Марка, никого!»

Я высунула голову из-под одеяла и вызывающе посмотрела на портрет баронессы. «Даже твой барон нравится мне больше, чем все они вместе взятые! – сказал внутренний голос во мне, тот, что до сих пор разговаривал с ней. – Он один стоит их всех, мужчина старой закалки, который умел любить и ненавидеть!»

«Бери его! – насмешливо улыбнулось лицо с портрета. – Если он тебе так нравится. Вам же, кажется, было хорошо вместе? Дай ему сына, которого он хотел. Я почти умерла, чтобы сделать это. Но я проиграла. Теперь твой черед. Докажи, что ты принадлежишь к моей семье, к нашему поколению, которое умело любить, а не говорить о любви и жертвенности, как о товарах на продажу!»

Я почувствовала, что схожу с ума. Еще немного, и мне примерещится, что баронесса сейчас сядет за вон за тот столик у окна, и мы с ней начнем пить коньяк из довоенных запасов барона. Кстати, не этот ли коньяк он налил мне сегодня вечером в кофе? Как это там было в скандинавских сагах – напиток из магических мухоморов? Или вино из меха, которое выпили на корабле, отправлявшемся в Корнуолл, Тристан и Изольда?

Я села к столу, зажгла лампу и снова открыла дневник баронессы Алиции фон Ротенбург.

Перед моим внутренним взором, возникая из сгущения тумана, начали медленно разворачиваться картины далекого прошлого. Я словно видела их глазами баронессы, точнее глазами юной Лизы Острожской.

Глава 2

Утром следующего дня за завтраком в большой столовой замка, где присутствовали только я и старый барон, я сидела на противоположном конце стола от барона, как полагалось правилами приличия, и не могла удержаться от того, чтобы исподтишка не рассматривать его. Воображаемый ночной разговор с баронессой не давал мне покоя. Сначала мне показалось, что я просто придумала его сама, и он является извращенной реакцией моего усталого мозга на наш вчерашний шуточный разговор с бароном о наследнике. Потом мне стало казаться, что он был также навеян чтением воспоминаний баронессы об ее связи с отцом барона. Но, к своему ужасу, я вдруг поймала себя на том, что я начала так или иначе рассматривать эту бредовую идею, подсказанную мне причудливым сочетанием обоих факторов – идею о том, чтобы дать старому барону желанного наследника, его собственного ребенка, его сына. О чем там говорила в тишине ночной спальни покойная баронесса, насмешливо улыбаясь мне с портрета на стене, освещенного призрачным светом луны? О жертвенности и умении любить их поколения, и о том, что нашим поколением движут только разговоры о любви как о товаре на продажу? Я знала, что даже рассматривая эту идею с точки зрения ночного разговора с покойной баронессой, все выглядит так, словно я рехнулась, но отчего-то не могла перестать думать об этом. И снова и снова возмущаться про себя в воображаемом ответе на спорное утверждение покойной баронессы – мы не такие! Да, мое поколение семнадцатилетних, несомненно, дети перестройки, но мы не те, что создали ее и воспользовались ее плодами, обокрав страну. Мы, скорее, ее жертвы, чем бенефициары. У нас есть моральные принципы, мы умеем любить, и нам не чужды идеи жертвенности во благо достойных.

Словом, ирония моего положения заключалась в том, что сидя за завтраком в замке в компании хозяина, барона фон Ротенбурга, годившегося мне в дедушки, я смотрела на него и размышляла, смогу ли я сделать это или нет. Я имела в виду переспать с ним для того, чтобы родить ему прямого наследника. Терять мне нечего, на родине я никому не нужна: я не «секретутка», не то воспитание; у меня нет «блата» для того, чтобы получить хорошую работу, и я не настолько мужественна и беспринципна, чтобы идти по головам ради того, чтобы с боем отвоевать себе место под перестроечным солнцем России. Старый барон богат. Он – человек другой эпохи. Он не бросит меня с ребенком на произвол судьбы. Значит, даже получив от меня наследника, он обеспечит не только его, но и меня саму. Знаю, это звучит гадко, но в эпоху постперестроечных перемен это имеет огромное значение, я видела, как буквально «выживали» в последние годы, годы перестройки-перестрелки многие семьи технической интеллигенции. Уставившись в свою чашку с утренним кофе, я продолжала напряженно размышлять. Как мужчина, барон также весьма неплох, и очень даже в моем вкусе: высокий, стройный, длинноногий, с широкими плечами и узкий в поясе. Он сохранил густую, посеребренную седой, великолепную гриву хорошо подстриженных и уложенных волос; его светло-серые, серебристые, как говорила баронесса, глаза, обрамленные длинными темными ресницами, казалось, совсем не изменились и, на мой взгляд, остались такими же, какими она их описывала. Мне они нравились, так же как нравились его ироничные замечания, гибкий ум и специфическое чувство юмора. Но будет ли этого достаточно?! Впрочем, оборвала я сама себя, я же не пытаюсь влюбиться в него, я просто готова была оказать ему весьма необычную услугу. Наверное, я все-таки извращенка, но эта идея все больше и больше мне нравилась.

–Элена! – я так задумалась, что не услышала, как барон уже несколько раз окликнул меня по имени.

Я очнулась от своих мыслей и с испугом посмотрела на него. Надеюсь, я не размышляла вслух?

В его серых глазах, обращенных ко мне, поблескивали искорки смешинки.

–О чем задумалась, малышка? – весело спросил меня он.

–Да так, – неопределенно ответила я.

–О! – глубокомысленно согласился он. – Я понимаю. Собственно говоря, я спрашивал тебя о том, не хотела бы ты поехать со мной в Гамбург, а затем во Франкфурт? До Франкфурта мы можем проехать на мотоцикле, там очень живописные окрестности и есть несколько исторических памятников, которые я хотел бы тебе показать.

–На мотоцикле? – поразила я. – В вашем возрасте?

–А что такое! – обиделся он. – Я еще не рассыпаюсь от старости. А на мотоцикле я езжу с двенадцати лет!

– Со времен, как вы были в Гитлерюгенде? – не удержалась от шпильки я.

Он только фыркнул мне в ответ.

– В настоящий момент у меня замечательный новый Харлей Дэвидсон, последней модели. Не пожалеешь! Даже Марк не может соперничать со мной!

Я рассмеялась его откровенно мальчишескому хвостовству.

Харлей Дэвидсон, принадлежащий барону, действительно оказался настоящим зверем. Как только я уселась за спиной барона на этот шикарный, навороченный гоночный мотоцикл, обняла его за талию, прижалась щекой к его кожаной куртке, и он нажал на стартер, мотоцикл сорвался с места так резко, что я вскрикнула от неожиданности. Надо сказать, с того момента на протяжении всего пути мой рот так и оставался открытым в вопле ужаса, потому что старый барон оказался настоящим лихачом. Мы мчались по широкому шоссе с великолепным покрытием с головокружительной скоростью, так, что иногда мне казалось, что мотоцикл зависал в воздухе, словно летел на крыльях. Ветер бил мне в лицо, барон изредка оборачивался ко мне и кричал что-то веселое, а я боялась открыть глаза, чтобы не видеть несущейся перед моими глазами дороги.

–Ну, ты и трусишка, Элена! – сказал мне барон, когда мы, наконец, прибыли во Франкфурт.

–Вы сумасшедший лихач, ваша светлость! – с чувством сказала я. – Вас надо изолировать! Как только дорожная полиция позволяет вам выезжать на проезжую часть?!

–Знала бы ты, сколько мне это стоит! – в тон мне отозвался барон. – На одни штрафы за мои мотоциклетные прогулки я бы мог спокойно содержать семью безработных в течение пяти лет!

–Ну, должны же у меня быть какие-то развлечения! – сбавив тон, вздохнул он.

–Вы катали на своем мотоцикле баронессу? – полюбопытствовала я, приглаживая свои волосы, стоявшие дыбом то ли от встречного ветра, то ли от ужаса, который я испытала во время этой головокружительной поездки.

–Боже упаси! – с шутливым страхом вскричал барон. – Алиция была очень смелой женщиной, но не настолько смелой, чтобы садится со мной на мотоцикл.

Продолжая беззлобно пикироваться, мы припарковали его мотоцикл в специальном месте возле большого особняка на тихой, широкой, тенистой улице и вошли в дом.

–Добро пожаловать в мой городской дом во Франкфурте! – шутливо сказал барон, открывая передо мной входную дверь. – Старых слуг здесь давно не осталось, так что в обморок будет падать некому. Но сегодня вечером я хотел бы пригласить тебя на сборище местной знати, где, согласно твоему замечательному плану, ты будешь искать мне молодую жену. Вот там будь, пожалуйста, осторожнее – пара наших старых друзей действительно могут лишиться чувств при виде тебя. Ты можешь оказать мне еще одну услугу, малышка?

–Услугу? – с подозрением спросила я, проходя в двери чудесной гостиной, оформленной с таким чувством вкуса, что я показалась сама себе жалкой плебейкой.

–Да, – сказал барон. – Я просил бы тебя примерить одно из платьев Алиции. Пожалуйста.

Платья баронессы оказалось мне лишь чуть свободны в талии. Старый барон внимательно осмотрел меня, одетую в одно из них, белое, с золотым шитьем, и велел девушке из прислуги вызвать портниху и заузить талию по моей фигуре, причем сделать это сегодня, не позднее шести вечера.

–Куда мы идем? – полюбопытствовала я за чаем в полпятого.

–В местное дворянское собрание, – усмехнувшись, сказал барон. – Хочу похвастаться очаровательной племянницей. А ты в это время будешь присматривать мне невесту.

–Я боюсь! – помедлив, сказала я, посмотрев на него. – Я никогда не посещала подобные мероприятия. Что, если я сделаю что-то не так?

–Брось, – махнул рукой барон. – Они сами не могут вести себя как следует по этикету. Просто будь сама собой.

Честно говоря, я ожидала от сборища немецкой знати большего великолепия. Нет, без всяких сомнений, платья и драгоценности были красочны и ослепительны, но все эти бароны и графья, баронессы и графини выглядели, на мой взгляд, совсем не так, как в кино. Среди них было всего несколько мало-мальски привлекательных лиц, принадлежащих в основном молодежи, которая томилась от скуки и безделья. Я прилипла к барону намертво, отказываясь покидать его даже на минуту.

Надо сказать, что наше с ним появление действительно произвело фурор. Как только мы вошли в залу, намеренно опоздав на полчаса: барон, высокий и элегантный в своем черном смокинге, и я, одетая в белое атласное платье баронессы, с жемчугами на шее и в ушах, в зале установилась гробовая тишина.

–Алиция фон Ротенбург! – наконец, ветром пронеслось по залу. – Она жива?!

–Этого не может быть! – через некоторое время закрутился второй флер голосов. – Она слишком молода! Возможно, вторая дочь? Но какое поразительное сходство!

Гордо выпрямившись, барон со снисходительной улыбкой смотрел по сторонам.

–Боже мой, Гюнтер! – приблизилась к нам пара пожилых людей, одетых с богатством индийских шейхов и пестротой попугаев. – Кто это красавица? Она выглядит, точь-в- точь как Алиция в молодости!

–Моя племянница, – сказал барон. – Точнее, племянница Алиции.

–Замечательно милая девочка! Просто удивительное сходство! – захохла пожилая фрау, не сводя с меня цепкого взгляда. – Представь нас, Гюнтер.

–Вы не немка? – спросила меня через несколько минут эта женщина, которая носила звучную фамилию, знакомую всем со времен первой мировой войны.

–Нет, я русская, – как всегда, со своей глупой честностью, лягнула я.

–Конечно же, русская, как и Алиция! – сразу же подхватила она. – Но ваш немецкий великолепен, деточка. Вы останетесь с дядей в Германии, или планируете вернуться домой в Россию?

–Я, право, не уверена, – пролепетала я.

–Как можно отпустить такую красавицу назад в Россию? – спросил красивый молодой человек, оказавшийся их сыном. – Вы и опомниться не успеете, Элен, как вас забросят предложениями о замужестве. С вашей красотой и именем и богатством фон Ротенбургов вы сможете сделать великолепную партию.

–Я буду первым, кто сделает вам предложение! – тут же заявил он, после того, как я улыбнулась, забавляясь его горячностью.

–Будьте осторожны с моим дядей, – сказала я, указывая глазами на барона, который с интересом следил за нашим разговором.

–Первое предложение? – спросил барон, когда я сумела ускользнуть от молодого человека. – Великолепно. Поздравляю.

–Я здесь не для того, чтобы искать себе мужа, а для того, чтобы найти невесту вам! – с досадой сказала я ему, приглушая голос. – Ваша светлость, спасите меня от этих охотников за приданым. И, пожалуйста, оглядитесь по сторонам. Есть здесь кто-нибудь из женщин, кто вас привлекает?

Делая вид, что подчиняется моей просьбе, барон бегло скользнул глазами по рядам присутствующих.

–Нет! Никого! – твердо сказал он, поворачиваясь ко мне с насмешливой улыбкой. – За исключением тебя, моя маленькая сваха. Ты выглядишь великолепно! – тут же быстро добавил он. – Я так горд находиться сегодня рядом с тобой, что, надеюсь, ты пожалеешь старика, и подаришь мне первый вальс?

–Вальс? – изумилась я, и только сейчас услышала звуки музыкантов, настраивающих инструменты, и увидела, как, как словно по волшебству, была освобождена просторная зала, приготовленная для танцев.

–Я не умею танцевать как следует, – пискнула я, когда музыканты заиграли вальс и барон встал передо мной, заложив одну руку в белой перчатке за спину и наклонил голову, приглашая меня на танец.

–Ничего страшного, – он протянул мне свою вторую руку, затянутую в белую перчатку. – Ты же знаешь, что такое вальс, не правда ли? Слушай мои движения, следуй за ними, и все будет в порядке. Не трусь! Одну руку положи мне на плечо, и, раз-два-три, начали.

Дедушка танцевал вальс еще лучше, чем водил мотоцикл. Для начала, от волнения, я сделала несколько ляпов, пару раз наступила ему на ноги, но потом, когда я приспособилась к его движениям и полностью подчинилась его воле, дело пошло лучше. К концу первого тура вальса с бароном мне казалось, что я танцевала с ним всю жизнь.

–Как насчет второго тура? – спросила я его, когда музыка смолкла.

Он расхохотался.

–Понравилось? Нет, второй тур я с тобой танцевать не могу, ты же не моя жена и не моя невеста. Иди с кем-нибудь другим, только выбирай такого, кто умеет танцевать.

–Как я это узнаю? – справедливо спросила я. – У него же на лбу не написано? Впрочем, здесь, наверное, только я такая неумеха. Можно мне тогда не танцевать?

Не успела я произнести эту фразу, как меня окружил целый рой молодых людей брачного возраста. Я выбрала сына богатых родителей, который недавно уже сделал мне первое предложение. Барон одобритительно кивнул.

Я протанцевала с разными кавалерами еще три тура вальса, прежде чем решила, что с меня достаточно. Отклонив очередное приглашение, я огляделась по сторонам в поисках барона и увидела его беседующим с какой-то незнакомой дамой бальзаковского возраста, которая время от времени с немым изумлением посматривала на меня. Мне неожиданно стало грустно, барон, видимо, нашел себе даму по вкусу. «Это было то, что ты хотела, не правда ли?» – мысленно поздравила я сама себя и поплелась в гостиную, чтобы выпить холодного лимонада.

Здесь меня и нашел барон.

–Элена! – укоризненно сказал он, возникая за моей спиной. – Куда ты исчезла? Я хотел представить тебя фрау Кристине Вайзингер, лучшей подруге Алиции.

–Той, с которой вы разговаривали в зале? – поинтересовалась я.

–Ты заметила? – приподняв бровь, с легкой тенью удивления спросил он.

–Я думала, что это успех – вы нашли себе невесту по душе, – нахально сказала я.

Барон тихо рассмеялся.

–Я знаком с ее мужем целую вечность.

–Куда же она делась? – удивилась я.

–По-моему, она тебя боится, – в голосе барона прозвучала какая-то неопределенная нота. – По крайней мере, сначала она чуть не лишилась чувств при взгляде на тебя, а потом сказала мне, что ничем хорошим это не закончится.

–Возможно, она права? – спросила я.

–Что за пораженческие настроения!

Барон схватил меня за руку и снова увлек в зал, наполненный танцующей толпой.

–Еще один тур вальса?

–Последний! – твердо сказала я. – Я устала.

–Твои бабушки могли танцевать ночами напролет! – укорил меня он. – А ты устала в первый же час бала?

–У бабушек была тренировка! – огрызнулась я. – А я и танцевать то толком не умела, пока вы не пригласили меня на первый вальс час тому назад.

–У тебя будет время привыкнуть, – согласился он.

Я подозрительно посмотрела на него, почему-то мне показалось, что в этот раз он держит меня гораздо крепче и ближе к себе во время танца. Его дыхание щекотало мои волосы на виске. Я вдруг почувствовала странное возбуждение, которого никогда не чувствовала от присутствия рядом с собой ни одного из моих прежних парней. Возможно, я пила не лимонад, а шампанское, с легким сарказмом подумала я про себя, а вслух сказала:

–Ваша светлость, есть ли прогресс в нашем деле?

–Каком это «нашем»? – изумился он.

–Точнее, вашем, – тут же поправилась я. – Здесь, кажется, собрался весь город! Я никогда не думала, что в одном Франкфурте столько представителей благородных семейств! Невест хоть отбавляй.

– Ты права, детка. Сегодня вечером во Франкфурте собрались самые сливки знати со всей Германии и Австрии. Ты присутствуешь при историческом событии. Из не аристократии здесь только промышленники-миллионеры.

–Буржуа, – заключила я.

Он усмехнулся, с новым интересом посмотрел на меня и кивнул в знак согласия.

–Но вам нужна знатная невеста? – полу утвердительно спросила я, оглядываясь по сторонам настолько, насколько мне позволяли движения вальса. Перспектива свалиться, потеряв равновесие или наступив на край своего бального платья, меня не прельщала.

–Я уже говорил тебе, что меня в моем возрасте не привлекают женщины, – с какой-то непонятной мне досадой сказал барон.

–Кроме вашей покойной жены или кого-то, кто был бы похож на нее, – уточнила я, и, понизив голос после того, как он утвердительно кивнул, подняла голову, посмотрела в его серебристые глаза и спросила, холодея от собственной дерзости: – По-вашему, я достаточно похожа на баронессу, чтобы привлекать вас как женщина, ваша светлость?

Он посмотрел на меня, изумленно моргнул несколько раз, а затем на его бледных щеках выступил легкий румянец.

–Что ты имеешь в виду, Елена? – тихо спросил он.

В меня словно бес вселился. Все так же, не отводя от него взгляда, я тихо прошептала, глядя прямо в его удивленные глаза:

–Привлекаю ли я вас настолько, чтобы иметь от меня ребенка, наследника рода фон Ротенбургов?

На этот раз он резко остановился прямо посреди зала, так, что танцующие пары с недоумением на лицах стали натекать на нас. Потом взял меня за руку и начал пробираться через толпу танцующих к выходу из зала. «Сейчас он меня убьет, – со страхом подумала я, – или, еще хуже, просто отшлепает за дерзость, как непослушного ребенка». Но к моему удивлению, барон ничего не сказал. Он подзвал водителя одного из такси, стоявших в ожидании возле

зала дворянского собрания, усадил меня, как ребенка, на заднее сидение, сам сел впереди и назвал свой адрес.

Через четверть часа мы были в его особняке. Как только мы вошли в дом, он вызвал прислугу и кратко приказал тоном, не допускающим возражений:

–Проводите фроляйн в ее комнату. Она устала.

Я безмолвно подчинилась, ругая себя последними словами за то, что позволила какой-то дикой фантазии нарушить установившуюся между мной и бароном за эти несколько дней дружбу.

Этой ночью мой ночной кошмар повторился снова.

Лунный свет по-прежнему проникал в окно и освещал портрет баронессы, висевший на стене. Тот же портрет, на котором выражение ее глаз и ее улыбка были прежними. Она снова смотрела мне прямо в душу и насмешливо улыбалась.

«Не отступай! – говорил мне ее взгляд. – Дай ему время подумать. Ты застала его врасплох. Он тебе нравится. Он заслуживает наследника. Не делай резких движений. Жди».

Я задернула занавеску и легла в постель. Сон на этот раз пришел мгновенно, я заснула, словно провалилась в глубокую яму, в которой не было ни света, ни звука, ничего.

А затем мне снова приснилась ОНА. Точнее, я снова стала ей, я видела мир ее глазами, я чувствовала ее счастье и ее боль. В моих ушах звучал ее голос, словно комментирующий события ее жизни. Я словно раздвоилась. Я была ей и самой собой одновременно... Наверное, я схожу с ума.

Наутро я не спустилась к завтраку и отказалась от робкого предложения горничной принести завтрак ко мне в комнату. Я сидела в кресле у раскрытой балконной двери окна, смотрела в сад и думала о том, что мне, возможно, стоит подумать о возвращении домой.

Стоял чудесный майский день, светило солнце, и через две недели мне должно было исполниться 23 года.

В дверь постучали. Я подумала, что это снова вернулась горничная и, не оборачиваясь, сказала:

–Спасибо, фроляйн, мне ничего не нужно. Я не голодна.

–Почему ты не спустилась к завтраку? – раздался за моей спиной голос барона.

–Потому, что я не голодна, – сказала я, по-прежнему не поворачивая головы, и стараясь скрыть охватившую меня от звука его голоса нервную дрожь.

Дверь закрылась. По звукам его шагов я определила, что он подошел ко мне и встал рядом с моим креслом. Я подняла голову и посмотрела на него. Барон был в темных брюках, плотно облегающих его узкие бедра, и черной рубашке, охватывающей его торс и узкую талию, ворот рубашки был раскрыт. Его темные, с проседью волосы были по обыкновению тщательно уложены, но лицо было бледно, под глазами лежали тени.

Он в молчании прошел к туалетному столику, стоявшему возле второго окна в моей комнате, взял стоявший рядом стул, принес его и поставил рядом с моим креслом. Потом сел на него, и некоторое время смотрел в окно, как и я.

–Ты понимаешь, что ты просто вопиюще молода по сравнению со мной, Елена? – наконец, спросил он.

–Да, – коротко сказала я, не двигаясь.

–Хорошо.

Он снова помолчал.

–Надеюсь, ты также понимаешь, что для зачатия ребенка нам нужно будет заняться сексом?

–Да, – все также коротко отозвалась я, ожидая продолжения.

–И, может быть, не один раз, – скупно добавил он.

–Ваша светлость, я в курсе, как на свет появляются дети, – не выдержав, сказала я с досадой.

На его губах появилась усмешка, когда он, бегло взглянув на меня, закончил:

–Кроме того, беременность продолжится девять месяцев. Все это время ты должна будешь оставаться со мной. Потом тебе придется отдать мне ребенка и уехать, или остаться со мной и с ребенком до тех пор, пока не умру я или не вырастет он. Ты готова на такую жертву?

Я безмолвно кивнула головой в ответ.

–Почему? – не отступил он.

Хороший вопрос. Если бы я сама знала на него ответ. Он изложил все это так логично и так правильно, что аж скулы сводило от отсутствия в его логике простых человеческих чувств. Тем не менее, я постаралась остаться вежливой. Посмотрев на него кукольным взглядом тупой блондинки, я ехидно ответила:

–Мне нравится жить в Германии, ваша светлость. По-вашему, это достаточно хорошая причина?

Он недоверчиво хмыкнул.

–Нет. Я не верю. Придумай что-нибудь другое. А лучше, скажи правду.

–Ладно, – покладисто согласилась я. – Тогда потому, что я хочу вам помочь. Вы мне нравитесь.

Он удивленно приподнял бровь.

–Даже вот как?

–Допустим, я тебе верю, – после недолгой паузы сказал он. – Но как же ты поступишь со своим бойфрендом? Он, наверняка, будет протестовать. Ты можешь потерять его. Он уверяет, что у вас любовь.

–Со своим бойфрендом я разберусь сама, – твердо сказала я, посмотрев на него. – Тем более, что любовью с моей стороны там никогда не пахло.

Его губы снова искривились в усмешке.

–А как же Марк? Я думал, что он тебе нравится?

–Он мне нравится, – глядя на барона, честно призналась я. – Но он женат, и, как выяснилось, у нас не было никаких серьезных взаимных чувств. Он просто выбросил меня из своей жизни, как использованную тряпку, и даже слова не дал сказать в свое оправдание. Я больше не хочу иметь с ним никаких романтических отношений.

Старый барон некоторое время задумчиво смотрел на меня.

–Все равно не понимаю, – наконец, сказал он. – Почему я?

Я протянула руку и осторожно положила ладонь на его сложенные вместе пальцы обеих рук, которые он держал на коленях.

–Не напрягайтесь, ваша светлость, – как можно мягче сказала я. – Мужчине сложно понять женщину. Просто примите это как данность.

–Мужчине? – он стяхнул мою руку. – Что ты знаешь о мужчинах, девочка?

Он неожиданно встал со стула, подошел ко мне и буквально вытряхнул меня из кресла. Теперь мы стояли так близко друг к другу, что я чувствовала жар его тела.

–Коснись меня, – скупно приказал он.

Моя голова едва доставала ему до плеча. Словно во сне, я подняла руки и положила свои ладони ему на плечи, прильнув к его крепкому сухощавому телу своим телом. Он не пошевелился. Потом мои ладони медленно проšliсь вниз по его спине и соскользнули на его узкие бедра. Я как будто не осознавала, что я делаю, я просто подчинялась тем импульсам, которые словно управляли моими руками и моим сердцем. Я по-прежнему прижималась к нему, одна моя рука все еще оставалась на его узкой талии, а другая скользнула к раскрытому вороту его темной рубашки и коснулась его тела. В этот момент он наклонился и поцеловал меня. Его губы

были твердые и требовательные, как губы Эгиса, но, почувствовав мой ответ, они изменились, смягчились, я ощутила на них легкий привкус коньяка и кофе, и вдруг, неожиданно для самой себя, я обхватила его плечи руками и прижалась к его рту, безмолвно требуя продолжения.

–Все женщины в вашем семействе ведьмы! – то ли пробормотал, то ли простонал он, наконец, к моему вящему восторгу, сжимая меня в объятьях.

Я не помню, как мы очутились на моей кровати. Ни один мужчина в моей жизни, ни до барона, ни после него, никогда не действовал на меня с такой предопределенной магической силой, как он. Это была судьба, рок, я не знаю даже, как это назвать. Достаточно сказать, что я испытывала волшебное чувство какого-то священного трепета, когда он касался меня, словно языческая весталка в храме, отдававшаяся даже не мужчине, а грозному и могущественному божеству.

Пытаясь отдышаться после нескольких часов, проведенных в любовной горячке, лежа рядом с ним, плотно прижатая его рукой к его телу, я рассеянно думала о том, что бог создал этого мужчину прекрасным – даже в своем возрасте барон сохранил великолепную физическую форму, тугие нити мускулов перекатывались под его смуглой кожей, чуть покрытой темной растительностью на груди и в паху.

–Я должен сообщить тебе, мое милое дитя, – услышала я у своего уха хрипловатый голос барона, – что теперь ты так просто от меня не отделаешься! Если ты из христианского сострадания решила помочь роду фон Ротенбургов обрести желанного наследника, тебе придется идти до конца. Просто ребенок мне не нужен. Мне нужен законный ребенок, наследник. Посему, я настаиваю на том, чтобы ты вышла за меня замуж. Чем скорее, тем лучше. Не хочу, чтобы мой наследник родился раньше, чем мы закончим оформление твоих документов.

–Это предложение? – едва удерживаясь от смеха, спросила я.

Он быстро перевернулся таким образом, что я оказалась лежащей под ним на спине, прижатая сверху его сухощавым телом. Его губы почти касались моих губ, когда он прошептал:

–Да, моя милая маленькая ведьма, это предложение!

–Фу, как неромантично, – поддразнила его я, – а где же признания в любви, уверения, что вы будете любить меня вечно, ваша светлость, и все такое?

–Я буду любить тебя вечно, – повторил вслед за мной барон, и по его голосу я догадалась, что он улыбается. – Боюсь только, что вечность для меня наступит скорее, чем мне хотелось бы...

Глава 3

Мой день рождения мы провели во Франции, в Тулузе. Начитавшись книжек про Анжелику Маркизу Ангелов, я горела желанием увидеть город графа Жоффрея де Пейрака. Барон посмеивался надо мной, но, тем не менее, ходил со мной на все экскурсии.

Тулуза очаровала меня. Город утопал в цветении садов, в воздухе стояла розовая дымка, и мое настроение было под стать – мы проводили вместе каждый день, гуляли, ходили на пляж, разговаривали, смеялись. По вечерам я сидела на ковре в гостиной и смотрела французские фильмы с участием Катрин Денев, которую я обожала, а барон, раскрыв ноутбук, проверял свою корреспонденцию или уходил в кабинет, чтобы отвечать на звонки и говорить со своими партнерами по бизнесу. Как оказалось, опираясь на целый сонм адвокатов и бизнесменов, он самолично вел дела своих компаний в Германии и Америке. И каждую ночь я спала в объятиях барона.

Пробыв две недели в Тулузе, мы отправились в Канны, затем проехали по всей Италии. Я увидела Венецию, о которой столько слышала и читала; Флоренцию, город, всегда ассоциировавшийся у меня с братьями Медичи и Венерой Боттичелли; торговые Милан, Геную и Сиену. Моя голова кружилась от избытка новых впечатлений и чистого, незамутненного счастья – с каждым днем хрупкая, почти невесомая пелена недоверия, всегда присутствующая в наших отношениях с бароном, становилась все тоньше и тоньше. Я чувствовала всей кожей, как он расслабляется, начинает мне доверять, его улыбка становится все искреннее и искреннее, и он осознает, что, как бы ни парадоксально это казалось для него и окружающих, я действительно получаю удовольствие от его компании и от секса с ним. Я намеренно не употребляла слова любовь, потому, что каждый раз, когда он слышал это слово, он мрачнел, и с ним невозможно было говорить. Старый барон не верил в любовь вообще, и в то, что я могла его любить, в частности.

В начале августа, когда мы загорали на пляжах Майорки, адвокаты уведомили барона, что приготовили все документы для нашего брака. Проходя через холл из ванной, с полотенцем и распущенными по плечам мокрыми волосами, я слышала, как барон говорил по телефону со своим адвокатом. При моем появлении он замолк, я прошла мимо, улыбнулась ему и сделала вид, что ничего не услышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.